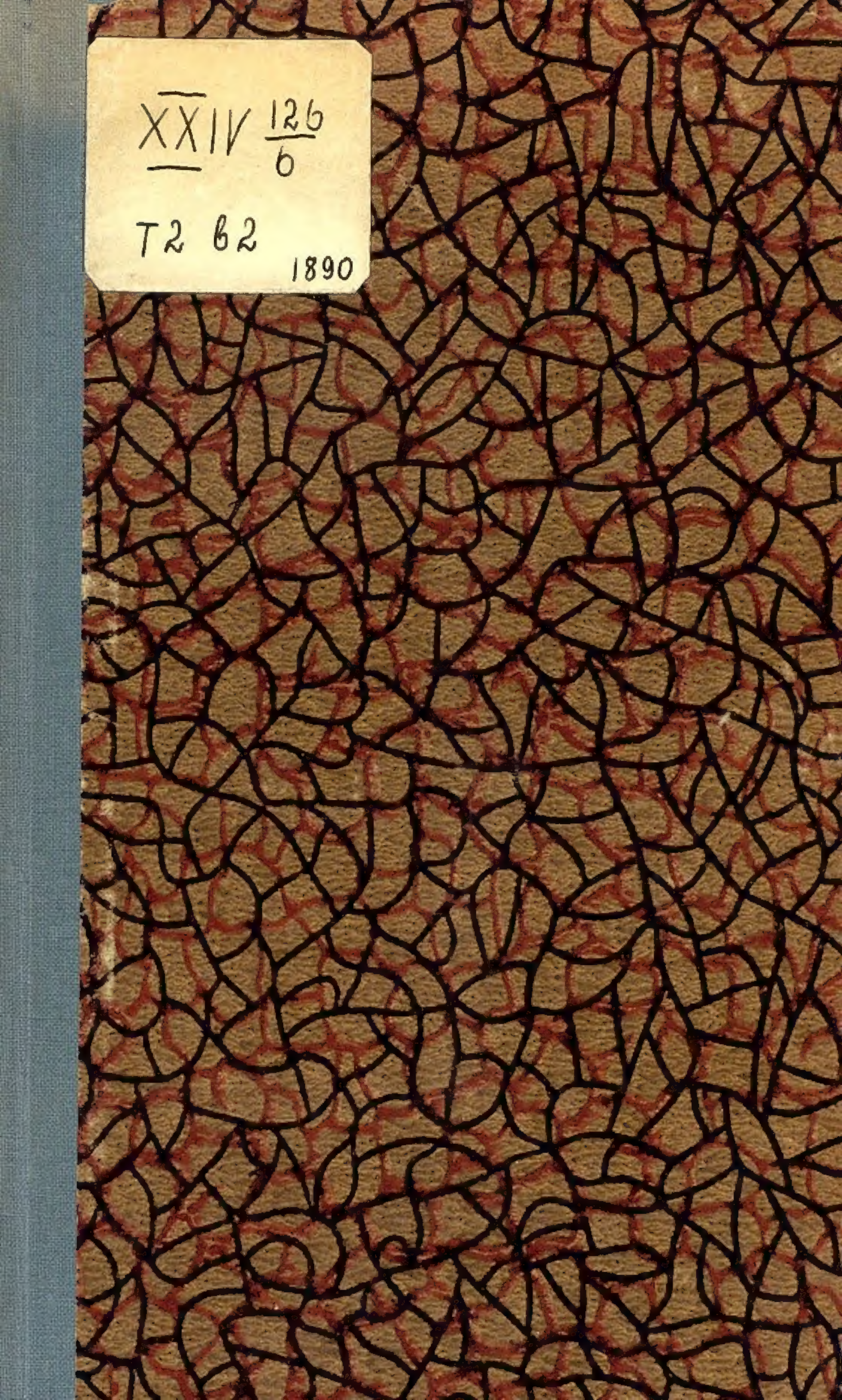

XXIV 126/6
T2 62
1890

ЗАПИСКИ ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО ЭТНОГРАФІИ.

Томъ II, выпускъ 2-й.

ШАМАНСКІЯ ПОВѢРІЯ ИНОРОДЦЕВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

СЪ 10-Ю ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ.

г. Иркутскъ.

Типографія К. І. Витковской.

1890.

ЗАПИСКИ ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ЭТНОГРАФІИ.
Томъ II, выпускъ 2-й.

ШАМАНСКІЯ ПОВѢРІЯ ИНОРОДЦЕВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

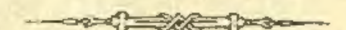
СЪ 10-Ю ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ.

г. Иркутскъ.
Типографія К. І. Витковской.
1890.

Печатано по распоряженію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

СОДЕРЖАНІЕ.

НѢКОТОРЫЯ ПОВѢРЬЯ АЛАРСКИХЪ БУРЯТЪ.

Пѣсня о бурятѣ, распятомъ въ Иркутскѣ.

Въ былыя времена въ городѣ Иркутскѣ ловили молодыхъ людей, обладающихъ лѣкарственнымъ тѣломъ. Поэтому буряты, у кого былъ одинъ сынъ, не пускали его въ городъ. Разсказываютъ, что одинъ какой то бурятъ (аларцы говорятъ, не Аларскаго, а Кудинскаго или Балаганскаго вѣдомства) [1]) былъ пойманъ въ городѣ и распятъ, приколоченъ къ стѣнѣ и отъ тѣла его, у живаго еще, вырѣзывали бритвами и складными ножами куски мяса для лѣкарства. Тѣло это имѣло лѣкарственную силу, пока человѣкъ былъ живой, т. е. пока куски мяса отрѣзывались отъ живаго. Замѣчательно, что терзаемый какъ-бы не ощущалъ ни какой боли и даже пѣлъ. Онъ пѣлъ слѣдующее.

Бритовъ хотегойн толондо
Бэйэ мини зарьина [2])
Тонгор хотегоин толондо
Тологой мини зарьина
Бабая хурэр яба бологон
Барягдахо угэй-б былэ-б
Ибіэ хурэр яба бологон
Ирху-дэ ѣрхэ-угэй былэ б
Бабай мини гхурахо бидза
Базар-дэрэ таата гэрыт
Барап торогор барьшага гэрыт
Багха дахин гхурахо бидза
Бажир-мунгун бöглыги мини укгорыт

[1]) Впрочемъ, какъ говорятъ, никто изъ бурятъ не хочетъ признать его своимъ.

[2]) Зарьина—нервное сотрясеніе.

Базар-дэрэ барягда гэрыт
Барни отольжи тоголожи дуда гэрыт
Иби мини гхурахо бидза
Ирхут-дэрэ таара гэрыт
Ирэн торгор баршала гэрыт
Иръэт багха гхурахо бидза
Иржи мунгун быглыги мини гаргажи укгорыт
Ирхут-дэрэ барягда гэрыт
Ундульжи барагда [1]) гэрыт

Переводъ:

Отъ блеска ножа—бритвы
Трясется мое тѣло,
Отъ блеска ножа—складня
Сотрясается моя голова,
Если-бъ я поступалъ по слову отца,
Не былъ-бы пойманъ,
Если-бъ я слушался матери,
Не пріѣхалъ-бы въ Иркутскъ.
Навѣрно отецъ обо мнѣ спроситъ.
Скажите, что остался на базарѣ,
Скажите, что коричневой шелковой матеріей торгуетъ.
Пожалуй, и снова спроситъ,—
Отдайте ему мой вычурный серебряный перстень.
Скажите, что на базарѣ задержанъ.
Всего разрѣзаютъ и разсѣкаютъ, скажите.
Если мать спроситъ,
Скажите, въ Иркутскѣ остался,
Пестрымъ торгуетъ, скажите.
Повернется и опять пожалуй спроситъ,—
Выньте и отдайте мой серебряный перстень иржи.
Скажите, что задержанъ въ Иркутскѣ,
Скажите, что разрушаютъ и уничтожаютъ [2]).

Пѣсню эту онъ пѣлъ бывшимъ съ нимъ въ Иркутскѣ товарищамъ. Эту пѣсню и сейчасъ поютъ буряты Аларскаго вѣдомства особенно заунывнымъ, печальнымъ напѣвомъ и при этомъ всѣ заливаются горькими слезами.

---

[1]) Барагда—весь вышелъ, истощился.

[2]) Собственно: ломаютъ, изрѣзываютъ такъ, чтобъ ничего не осталось.

Анахаи.

Адаган-гань гхалгайэ шоно идэхэ, айлаган гхалгайэ анахай идэхэ т. е. „отшатившагося отъ стада волкъ съѣстъ, отшатившагося отъ улуса (отъ компаніи) анахай съѣстъ“.

Это говорятъ тогда, когда хотятъ высказать, что въ извѣстномъ дѣлѣ должно быть единодушіе; тѣми-же словами урезониваютъ не соглашающагося на выпивку въ компаніи.

Анахаи—злые, нечистые духи, одноглазые. Глазъ этотъ свѣтитъ у нихъ, какъ у кошки. Преимущественно вредятъ они дѣтямъ и избираютъ, облюбовываютъ какой-нибудь домъ или улусъ. Избавиться отъ нихъ можно только при посредствѣ такого вѣдуна, который въ состояніи ихъ видѣть. Анахаи принимаютъ разнообразные виды: лягушки, кошки и пр. мелкихъ животныхъ. Если ударить анахая, онъ испускаетъ невыносимую вонь. Въ Кудѣ, разсказываютъ наши аларскіе буряты, былъ какой-то знаменитый шаманъ Саганъ-бо (бѣлый шаманъ), укротитель анахаевъ. Однажды этотъ Саганъ-бо сидитъ на берегу, а анахай, кривляясь на льду рѣки, ставитъ ему кукишки. Разсерженный Саганъ-бо плюнулъ на анахая и какъ разъ попалъ ему подъ заднюю подошву ноги. Нога моментально примерзла ко льду. Саганъ-бо начинаетъ бить анахая, елико возможно. Анахай молитъ и проситъ о пощадѣ и обѣщается не идти противъ его воли. Саганъ-бо смиловался и опустилъ. Но злокаверзный анахай затесался какъ разъ въ тотъ домъ, гдѣ Саганъ-бо былъ найже[1]). Шаманъ усмотрѣлъ анахая подъ уубэй (бурятской зыбкой) охраняемаго имъ дитяти и ударилъ имѣвшейся у него саблей, но анахай ловко увернулся и ударъ поразилъ не анахая, а отсѣкъ голову ребенку. Послѣ этого шаманъ спалъ непробуднымъ сномъ трои сутки и въ это время душа его гонялась за анахаемъ, чтобъ поразить его. Но хитрый анахай перехитрилъ шамана и укрылся подъ защиту своего тэнгрія. Анахая можно и обмануть; устроивъ люльку (уубэй) и спеленавъ въ ней чучело ребенка, нужно выбросить ее на степь. Тогда анахай давитъ уже чучело въ степи и не заходитъ въ юрту. Давнымъ давно какой-то шаманъ, уничтожая анахаевъ, загналъ ихъ въ штаны Бажея Косанова (основателя Бажеевскаго улуса) и затѣмъ спустилъ ихъ въ рѣку.

*) Найже—шаманъ-оберегатель, который приглашается бурятами къ ребятамъ.

Объ аршанахъ или цѣлебныхъ ключахъ.

Въ Аларскомъ вѣдомствѣ насчитываютъ аршановъ много, такъ что почти каждый улусъ имѣетъ свой аршанъ. У каждаго аршана есть свой покровитель. Аршаны эти посѣщаются съ цѣлію полученія исцѣленія отъ какихъ либо недуговъ во всякое время года, особенно-же въ извѣстные избранные дни и все въ одни: въ Петровъ день, въ Прокопьевъ день (8-го іюля) и въ ночь на Благовѣщеніе. Въ первые два дня можно быть на аршанѣ и днемъ, а на Благовѣщеніе нѣкоторые и ночуютъ тутъ, чтобы успѣть напиться цѣлебной воды, пока не спустился и не напился хэрэй т. е воронъ, а также невидимыя птицы. Этихъ послѣднихъ люди не видятъ, ворона же можно видѣть. Особенно славится Верхнепретскій аршанъ, вытекающій изъ обрывистаго лѣваго берега рѣки Ирети. Вода этого аршана славится, какъ особенно цѣлебная, преимущественно же въ глазныхъ болѣзняхъ. Если взять девять чашекъ этой воды, прокипятить до того, что останется только три чашки и затѣмъ выпить, исцѣлишься отъ всякихъ внутреннихъ болѣзней. На аршанъ при посѣщеніи приглашается умѣющій брызгать покровителю аршана (впрочемъ брызгаетъ простой человѣкъ, а не шаманъ). Эжиномъ или покровителемъ Верхнепретскаго аршана считается Ханъ-Гунгу-заринъ. Онъ былъ шаманъ изъ тунгусовъ и, по преданію, будучи похороненъ здѣсь, сдѣлался покровителемъ этого аршана.

Выше этого аршана есть котловина, въ которой изъ земли бьетъ вода; оттуда беретъ начало рѣка Ирeть. Тамъ, по преданію, на одномъ мысу или выступѣ горы похоронена шаманка Ханъ-Мяпханъ-тодэй. До нея тамъ-же былъ похороненъ шаманъ Монголъ (имя такое у него было). И вотъ они вмѣстѣ съ Ханъ-Гунгу-зариномъ покровительствуютъ и распоряжаются этимъ аршаномъ; а потому, когда брызгаютъ Гунгу-зарину, то поминаютъ и эту шаманку Ханъ-Мяпханъ-тодэй. Нѣкоторые предполагаютъ, что Ханъ-Гунгу-заринъ вышелъ изъ нижнеудинскихъ карагазовъ.

При посѣщеніи аршана прежде всего тамъ-же варится саламатъ. Потомъ утверждается тургэ (прутъ), на которую привязывается зала или хадыкъ, синенькая и бѣленькая

узенькія ленточки по большей части изъ дешевенькаго миткаля. У жбановъ ставится бишаканъ тургэ, „маленькая тургэ“ или залама и затѣмъ начинается брызганіе сначала водкой или тарасуномъ, а потомъ также и саламатомъ. Нѣкоторые правятъ здѣсь тайлаганъ съ бараномъ. За исправленіе тайлагана дается отправителю боро „печенка“ и убсунъ „грудина“, а нѣкоторые даютъ и денегъ. По окончаніи брызганія пьютъ воду аршана и закусываютъ.

При брызганіи на Верхнеиретскомъ аршанѣ брызгающій произноситъ слѣдующее:

Аршани ундур гхудэлтэ
Уягин гэхэ забята
Уегор гэхэ хэлтэ
Хан Гунгу зарин
Ирын булык гэхэ хараган
Буган Гунгу зарин
Тухулъ бологo тохто
Ымтэ аршанага куртэкда
Гунгу зарин бабай
Аршанагань куртэкда
Хара архяра хайран гуйга
Шарата зохэй шанабо
Аршани ундур гхудол абаган
Гунгу зарин бабай
Шарата зохэй шанула
Ымтэ аршанагань хайрла
Тахал бэйин тара
Убушин бэин ундэ
Ургун-Булун хэльэ барягап
Монголи хошун гхудэл барягап
Хан-Мяихан тодэй
Ымтэ аршанагань куртэлсыт
Ыбтанай нигэ байнал
Идэн танай хамта байнал
Хара архяра хаялга хаябол
Шарата зохэй шапа байнал
Ымтэ гэхэ аршанагань куртэгыт
Тэрэ гхайхан ўрелдынь
Мургуп шутун байным.

Тахал бологo тарагыт
Хан Гунгэ зарин бабай тарагыт
Убэй бэрхэ байпым
Ухыр хашин байна

Переводъ:

Обитающій при высокомъ аршанѣ,
Плавающій на большой березовой лодкѣ
Съ бормотливымъ словомъ [1])
Ханъ-Гунгу-зáринъ,
Надзирающій хорошо девяносто ключей,
Спустившій (ся съ неба) Гунгу-заринъ
Сдѣланное жертвоприношеніе (моленіе) прими
И отъ цѣлебнаго аршана удостой получить цѣлебную силу!
Гунгу-заринъ, отецъ!
Отъ аршана пользу дай!
Водкой милости просимъ!
Масляный саламатъ сварили!
Аршана высокаго жительство взявшій
Гунгу-заринъ отецъ!
Масляный саламатъ сварили!
Отъ цѣлебнаго аршана помилуй,
Немощь тѣла исцѣли,
Болѣзнь тѣла разруши!
Прохладой широкой Бѣлой (рѣки) пользующійся
На мысу (выступѣ горы) Монголъ избравшая обитаніе
Ханъ-Мянханъ бабушка
Отъ цѣлебнаго аршана пошлите милости [2])!
Согласіе у васъ одно,
Пища у васъ вмѣстѣ!
(Мы) водкой сдѣлали брызганіе,
Наваренъ масляннистый саламатъ!
Великаго цѣлебнаго аршана удостой!
Того хорошаго благословенія
Усердно просимъ:
Немощь имѣемую исцѣли!

[1]) Выраженіе уегор гэхэ хэлтэ, «съ бормотливымъ словомъ» указываетъ на тунгусскую или карагазскую рѣчь Гунгу-зарина.

[2]) Разумѣется съ Гунгу-зариномъ вмѣстѣ.

Хапъ-Гунгу-зарипъ, исцѣли!
Я очень, сильно бѣденъ,
Быкъ (у меня) лѣнивъ.

Обрядъ послѣ удара молніи.

Если молнія ударитъ въ жилое помѣщеніе, устраивается обрядъ такъ называемый дэгдулхо (поднять, возвратить на небо). Предварительно шаманъ ворожитъ, удзыл удзэхэ, чтобъ узнать, какой изъ тэнгріевъ устроилъ это. Если не устроить этого обряда, могутъ домъ этотъ постичь большія несчастія; могутъ всѣ примереть. Нѣкоторыя даже переносятъ юрту съ этого мѣста на другое. У одного изъ аларскихъ бурятъ молнія ударила въ одинъ изъ столбовъ юрты. Онъ обратился къ шаману за совѣтомъ. Тотъ сказалъ ему, что на третій день нужно устроить дэгдэбэръ, „поднятіе". По указанію шамана въ назначенный день былъ устроенъ балаганъ, подобный тому, какой устраивается при посвященіи въ шаманы, не далеко отъ юрты (саженяхъ въ десяти къ югу). Къ тому-же времени было приготовлено два ушата тарасуна, два ушата тарыку (кислаго сквашеннаго молока) и ½ ведра водки. Тарыкъ и тарасунъ на четырехъ бѣлыхъ-чистыхъ войлокахъ были поставлены передъ „тургэ" (березкой) впереди балагана (боп бухэк „шаманскій балаганъ"). Кромѣ этого было приготовлено девять сивыхъ лошадей; набрано изъ улуса за плату по 2 р. каждая. Платой въ этомъ случаѣ нестѣсняются, такъ какъ для этого даромъ никто не даетъ коня. Въ данномъ случаѣ плата была назначена самимъ шаманомъ. На одну изъ этихъ лошадей сѣлъ самъ шаманъ съ жодо (пихтой) въ рукѣ, а на прочихъ посторонніе восемь человѣкъ съ жбанами, съ водкой и чашками въ рукахъ. Одинъ жбанъ съ чашкой-же стоялъ на полу на бѣломъ войлокѣ, около „тургэ". Во время шаманенія имѣющіе жбаны брызгали изъ чашекъ и бросали ихъ, произнося: „тойрокъ"! Пропшаманивъ въ первый разъ у тургэ, шаманъ подъѣзжаетъ къ юртѣ, останавливается противъ двери и, пошаманивъ тутъ немного, объѣзжаетъ вокругъ юрты, продолжая шаманить; спутники его слѣдуютъ за нимъ. Объѣхавъ кругомъ, онъ останавливается на старомъ мѣстѣ около тургэ и опять шаманитъ, а затѣмъ опять къ двери и вокругъ юрты и такъ

до трехъ разъ. Во время шаманенія еще въ началѣ восемь человѣкъ поднимаютъ на войлокѣ кого-то воображаемаго, подобно тому, какъ поднимаютъ шамана при посвященіи. По окончаніи брызганія устраивается „ёхорь", бурятскій хороводъ на трои сутки, также какъ при посвященіи шамана. Послѣ трехдневнаго хоровода шаманъ опять „удзыл-удзэхэ", т. е. ворожитъ: подняли-ли? Льетъ въ чашку съ виномъ, смѣшаннымъ съ молокомъ, расплавленное олово. Чашка при этомъ покрывается козлиными волосами. Если олово сольется въ одну массу, подняли—проводили, а если раздробится—нѣтъ, и тогда надо снова шаманить. На девятый день былъ отправленъ ламайскій „дэгдулхо". Пока приглашенный лама читалъ свой номъ, около огня въ юртѣ на огнѣ накаливали пустой чугунный котелъ до красна. Около ламы стояли два ковша: въ одномъ была влита бутылка столовой водки, а другой былъ полонъ масла скоромнаго растопленнаго. Когда котелъ накалился, лама взялъ въ обѣ руки ковши и вылилъ ихъ сразу въ котелъ. Пламя выбросилось къ верху и загорѣлась юрта; едва затушили.

Опекуны дѣвицъ.

Разсказываютъ, что въ старинныя времена по обоюдному согласію однолѣтковъ одной кости избирался опекунъ къ дѣвушкѣ (наблюдатель за нравственностію). Онъ долженъ былъ защищать ее отъ всѣхъ невзгодъ, а паче всего беречь ея дѣвственность. Онъ даже могъ спать съ ней вмѣстѣ. Подъ его же надзоромъ дѣвушка могла отлучаться и въ другой улусъ. Это было учреждено потому, что въ тѣ времена дѣвушка ни чѣмъ не была гарантирована отъ разныхъ непріятностей; ее могли украсть, изнасиловать и т. п. При выдачѣ въ замужество дѣвушки, опекунъ велъ ея лошадь за поводъ (сама она лошадью не правила) и передавалъ ее ея мужу. Сохранившій нравственность опекаемой пользовался большимъ почетомъ и потомъ считался другомъ дома; опекаемая и мужъ ея называли его „ахай"—старшимъ братомъ (ахай мини, говорили они). За то горе было опекуну, если не соблюдена была нравственность опекаемой; его били и затѣмъ онъ находился въ постоянномъ презрѣніи.

Зуруктанъ-онгонъ.

(НАРИСОВАННЫЙ ОНГОНЪ)

(см. рисунокъ табл. I)

Въ Хоранутахъ, Балаганскаго вѣдомства, жилъ большой шаманъ. У него было девять сыновей, которые были тоже шаманами. Самъ отецъ Хохуръ-Зулгуй былъ слѣпой. Однажды онъ посылаетъ своихъ дѣтей ловить рыбу въ рѣкѣ Тагнѣ и говоритъ имъ: «Вы увидите семь тайменей; одинъ изъ нихъ слѣпой, того не ловите, потому что это моя душа». Дѣти не послушались отца и поймали всѣхъ тайменей. Возвратившись домой, они нашли отца умирающимъ. Онъ завѣщаетъ имъ, чтобы они послѣ его смерти черезъ три дня отправили ему тайлаганъ. Тайлаганъ дѣти не отправили и сошли съума. Догадавшись, что это случилось съ ними вслѣдствіе ослушанія и посовѣтовавшись, они рѣшили отправить тайлаганъ, но мѣсто погребенія отца не нашли и разбрелись по разнымъ мѣстамъ. Потомки этихъ шамановъ тоже были шаманы и чтутся сейчасъ у насъ въ Аларѣ: у Алятскаго озера Моньёлтуйнъ убугунъ Молонъ хубунъ даханъ и еще на горѣ Турэньхэсэ Мантелевы дѣти (Мантелейн хубут): Гунже и Тонту. Изображается этотъ онгонъ на лоскуткѣ дабы: двадцать семь персонъ рогатыхъ (все потомки этихъ девяти шамановъ); девять изъ нихъ слѣпы, девять хромы и девять нахоруки. Тутъ-же изображаются змѣи, верблюды, стрѣкозы, словомъ, изображаются разныя животныя, какъ хубилганы этихъ шамановъ. Сами шаманы изображаются съ рогами; это значитъ, они въ майхобшэ (въ шаманскихъ шапкахъ, которыя съ рогами). Хубилганами-же называются животныя и птицы, находящіяся на посылкахъ у шамановъ; у каждаго шамана есть свой хубилганъ: у иныхъ орелъ, у другихъ коршунъ, у третьихъ лягушка и т. п. При брызганіи этому онгону, между прочимъ, говорятъ: нурар дурэн бахá, нугáр дурэн могой „озеро полно лягушками, лугъ полонъ змѣй. Заводятъ этихъ онгоновъ только тѣ, кто страдаетъ глазною, ручною и ножною болѣзнями.

Миссіонеръ, священникъ Николай Затоплаевъ.

БУРЯТСКІЯ ПОВѢРЬЯ О БОХОЛДОЯХЪ И АНАХАЯХЪ.

Шутхоръ и шулма есть одно существо; по понятіямъ бурятъ это начало зла, вредящее всему чистому въ жизни и хорошему, враги тенгріевъ и самаго Бога. Шутхорамъ жертвоприношеній по шаманскому обряду не дѣлаютъ. Бохолдои это души умершихъ шамановъ и шаманокъ, которымъ шаманисты приносятъ жертву и просятъ ихъ быть защитниками живыхъ отъ такихъ-же бохолдоевъ, могущихъ причинить съ корыстною цѣлью людямъ болѣзни, даже смерть. По понятіямъ бурятъ бохолдой имѣетъ разныя степени по силѣ и могуществу; это зависитъ отъ ихъ утха; чѣмъ сильнѣе утха, тѣмъ сильнѣе бохолдой и шаманъ; шаманъ, бывшій при жизни большимъ и могущественнымъ, и по смерти остается таковымъ-же; умершіе шаманы помнятъ родство и свойство и въ случаѣ надобности и возможности покровительствуетъ оставшимся въ живыхъ роднымъ и ближнимъ и прибѣгающимъ къ ихъ защитѣ. Болѣзнь и смерть происходятъ двояко: во первыхъ по опредѣленію Эрлэнъ-номонъ-хана; это есть конецъ жизни, назначенный судьбою, противъ чего никто и ни что не поможетъ. Во вторыхъ смерть можетъ быть случайная, насланная бохолдоемъ; отъ подобной смерти можно избавиться посредствомъ брызганія и жертвоприношеній и то, если они совершаются въ попадъ; лѣкарство и аршаны лишь вспомогательное средство къ выздоровленію послѣ удовлетворенія всѣхъ требованій бохолдоевъ. Есть бохолдои второстепенные, имѣющіе шаманскіе утха; такимъ брызгаютъ виномъ или тарасуномъ, но скота въ жертву не приносятъ. Бохолдоямъ совсѣмъ незначительнымъ только капаютъ, что можетъ совершить даже не шаманъ, а всякій, знакомый съ пріемами и умѣющій высказать, чего желаетъ проситель.

Ада или анахай – одноглазое, злое, поганое существо, избирающее опредѣленное мѣстожительство (улусъ); даже бываютъ особенно излюбленные имъ дома. Анахай можетъ превращаться въ подобіе разныхъ животныхъ, въ кошку, собаку и проч., но всегда съ однимъ глазомъ; ходитъ только темною ночью; видѣть его можетъ не всякій; даже очень рѣдкіе люди его видятъ, но слышать вонючій запахъ анахая можетъ чуть не всякій. Анахай боится тѣхъ людей, которые видятъ ихъ, а также боится сердитаго и крикливаго человѣка, огня, металлическаго звона

и оружія, запаха арсы (вереска); для изгнанія анахаевъ употребляютъ вышеупомянутыя вещи. Хотя ихъ легко прогнать на время, но совсѣмъ угнать изъ излюбленнаго мѣста почти нѣтъ возможности; бѣда, гдѣ поселится анахай; во всемъ улусѣ, даже въ сосѣднихъ, всѣхъ ребятъ въ младенческомъ возрастѣ передавитъ; развѣ только сохранятся ребята „хату-заятай“ т. е родившіяся подъ особеннымъ покровительствомъ какого-нибудь тенгрія, баруни хатовъ, Буха-ноёна и проч. или души сильнаго большаго умершаго шамана, какихъ очень немного, напримѣръ убугуты-хордуты, ахануты-тарасинскіе и др Анахай можетъ осилить ребятъ до семи лѣтняго возраста. О происхожденіи ихъ говорятъ буряты двояко; одни утверждаютъ, что они посланники злыхъ духовъ, даже тэнгріевъ; другіе говорятъ, что анахаи—души очень грѣшныхъ и никогда не родившихъ женщинъ. Анахай любитъ вообще жирное жареное и вареное мясо, саламатъ и проч., такъ что привозить такіе предметы изъ улуса, гдѣ есть анахай, не совсѣмъ безопасно; какъ разъ привяжется и онъ, и тогда не выживешь его изъ своего дома и улуса. Анахаю, какъ дѣлающему исключительно зло, ни какихъ угощеній и брызганій не дѣлаютъ и онъ ни на какія сдѣлки не идетъ. Противъ козней анахая есть еще одно средство, но не всегда вѣрное, однако къ которому часто прибѣгаютъ, именно нужно принять найжи (найжи абаха). Обрядъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: по рожденіи, иногда еще до рожденія ребенка, по выбору приглашаютъ шамана быть у семьи, вѣрнѣе у ребенка, найжи (покровителемъ), въ чемъ всегда получаютъ согласіе со стороны шамана. Обязанность найжи состоитъ въ томъ, чтобы охранять ребенка отъ анахаевъ и бохолдоевъ и отъ происходящихъ отъ нихъ болѣзней и смерти; шаманъ долженъ принять всевозможныя предупредительныя мѣры; онъ ворожитъ и если по ворожбѣ окажется, что какой-нибудь бохолдой или онгонъ что-нибудь требуетъ, то согласно обряду онъ долженъ, кому брызнуть, кому сдѣлать кэрыкъ и даже покапать, смотря по достоинству и положенію бохолдоевъ. Въ знакъ того, что въ этомъ домѣ онъ найжи, онъ оставляетъ въ немъ „гхагюгханъ“, какой-нибудь предметъ, напримѣръ толи (металлическое зеркало, употребляемое въ шаманствѣ); если зеркала не имѣетъ, то нагайку, колоколецъ, шкурки хорька и т. п ; кромѣ того шаманъ долженъ охра-

пять опекаемое дитя не только самолично, но и душа его обязана неусыпно быть на стороже. За этотъ трудъ родители должны сообразно съ состоянiемъ вознаграждать его, большею частiю шьютъ ему шубу суконную или шелковую,даже одѣваютъ съ ногъ до головы и даютъ лучшаго коня, дарятъ золотомъ, серебромъ и кредитными билетами Вообще трудъ найжи оплачивается весьма щедро; если шаманъ изъ большихъ и извѣстныхъ, то онъ обходится всегда дороже и церемонiя при этомъ бываетъ больше. Найжи по большей части считаютъ срокомъ опеки одинъ годъ; по истеченiи года шаманъ требуетъ возврата „гхагюгхана"; хотя его просятъ, умоляютъ и дарятъ, чтобы онъ продлилъ срокъ возврата „гхагюгхана" т. е. продолжалъ свое покровительство, но это рѣдко удается. Возвратъ „гхагюгхана" тоже не обходится безъ затратъ со стороны родителей и новыхъ подарковъ, состоящихъ изъ лучшей лошади съ привѣскою выдры, шубы и друг. ношебныхъ платiй, отправляемыхъ въ домъ шамана не только для него, но и для его семейства и родныхъ; прiѣзжаютъ къ шаману родители съ ребенкомъ, съ своими родными, возвращаютъ „гхагюгханъ", дѣлаютъ соотвѣтствующiе подарки и угощаютъ привезенною водкою и мясомъ; такимъ образомъ получается цѣлая веселая гулянка. День прiѣзда съ возвращенiемъ „гхагюгхана" всегда назначается найжею и непремѣнно въ первой половинѣ луны; вообще шаманисты въ ущербѣ луны никуда далеко не выѣзжаютъ и ни какихъ предпрiятiй не дѣлаютъ, потому что въ это время много рыскаетъ по бѣлу свѣту разныхъ бохолдоевъ и эрыковъ для ловли душъ у людей.

Во время опеки шамана чуть только замѣтятъ, что съ ребенкомъ неладно или увидятъ дурной сонъ или замѣтятъ какое нибудь зловѣщее предзнаменованiе, тотчасъ-же немедленно скачутъ за найжею; иные безъ всякаго повода въ новолунье приглашаютъ найжи и брызгаютъ; найжи, прибывши, ворожитъ и согласно указанiямъ ворожбы дѣлаетъ, что надо, онгонъ, кэрыкъ, брызганье, капанье или загонъ на анахая и т. п; иногда найжи самъ, безъ зова, прiѣзжаетъ и совѣтуетъ, что нужно сдѣлать; все это безпрекословно исполняютъ. Помимо найжи Боже сохрани пригласить другаго шамана; тогда найжи сдѣлается хуже всякаго бохолдоя и анахаевъ вмѣстѣ взятыхъ. Иногда въ трудныхъ случаяхъ,

напримѣръ, при продолжительной болѣзни опекаемаго, приглашаютъ другого шамана, но всегда съ согласія найжи. И никогда не обойдется безъ ссоры и даже драки между найжи и приглашеннымъ шаманомъ; неблагопріятный исходъ болѣзни часто приписываютъ шаманской ссорѣ. По возвращеніи „гхагюгхана" шаманъ слагаетъ съ себя усиленную охрану и обязанность, и родители ребенка уменьшаютъ свои подарки, но все-же до семи лѣтъ первенство найжи предъ другими шаманами сохраняется, а отъ семи лѣтъ сходитъ почти на нѣтъ.

Ухэръ-эзы это самая послѣдняя степень бохолдоя; ухэры—души грѣшныхъ женщинъ, умершихъ неестественною смертью; ухэры шляются по заимкамъ, вѣчно мерзнутъ, голодные, ѣдятъ объѣдки пищи, любятъ жирное и грѣются у печки, людей боятся, но и буряты не мало трусятъ ихъ; ни кто имъ не брызгаетъ, даже не капаютъ водку; ухэры не въ состояніи дѣлать вреда взрослымъ людямъ; на очень маленькихъ дѣтей въ отсутствіе большихъ могутъ нападать и хватать за горло и задушать. Ухэръ переселяется на тотъ свѣтъ, когда настанетъ срокъ, въ который оставленное душой тѣло должно было-бы умереть естественной смертью, если-бы та женщина не подверглась преждевременно случайной смерти. Могутъ видѣть ухэровъ тѣ лица, которыя видятъ анахая; производимые ими стукъ и шорохъ слышитъ каждый, а также и вонючій ихъ запахъ. Суевѣрный бурятъ воображаетъ въ каждой заимкѣ ухэровъ и очень рѣдкій осмѣлится ночевать одинъ; всякій трескъ и шорохъ, производимый мышами, падаетъ на голову ухэра новымъ обвиненіемъ и является доказательствомъ ихъ существованія; фантазія и разсказы объ нихъ разыгрываются до невѣроятной степени и довѣрчивыхъ бурятъ, въ особенности бурятокъ, пугаютъ до полусмерти.

Шаманисты вѣрятъ, что у каждаго человѣка по три души; когда придетъ время умереть, то съ того свѣта выѣзжаютъ эрлыки, ловятъ душу обреченнаго къ смерти и уводятъ къ Эрлэкъ-номонъ-хану на судъ; душа, смотря по заслугамъ, получаетъ возмездіе. Вторая душа остается на этомъ свѣтѣ, дѣлается бохолдоемъ и живетъ своимъ домомъ и хозяйствомъ, какъ жилъ при жизни умершій человѣкъ, а третья снова родится человѣкомъ. Послѣ поимки души эрлыками че-

ловѣкъ можетъ жить нѣсколько лѣтъ, но не въ здоровомъ состояніи и очень рѣдкій можетъ дотянуть до 9 лѣтъ.

Отъ Анишкея Ханхаваева я записалъ слѣдующее. Ада можетъ превращаться и принимать видъ человѣка, показываться и исчезать, уходить въ щель или трещину земли, издавать изъ себя лучи и сіяніе, кувыркаться, не касаясь земли; онъ боится верескового куренья и выстрѣла изъ ружья; хотя отъ выстрѣла она бѣжитъ, но убить ее не удается. Ада была въ Кукунурскомъ улусѣ и жила у инородца Обоя Замаева; выходя оттуда, шлялась по всему улусу и давила маленькихъ ребятъ; особенная опасность отъ нея была дѣтямъ до 3-хъ лѣтняго возраста. Кукунурскіе буряты часто всѣмъ улусомъ устраивали на ада загонъ, съ крикомъ и шумомъ стрѣляли въ нее, иногда въ дали отъ улуса разводили огонь и жгли жирное мясо, варили саламатъ для того, чтобы ада явилась туда, такъ какъ она очень любила жирное, и гнали ее оттуда дальше по полямъ и лѣсамъ; загоны эти устраивались подъ руководствомъ бурята Балахея, который могъ видѣть анахаевъ и бохолдоевъ. Теперь-же ады нѣтъ, также и анахаевъ; они исчезли послѣ появленія Шумара Альхонскаго, который вѣроятно побѣдилъ ихъ. По мнѣнію разсказчика анахай съ адою ничего общаго не имѣетъ; отличительный признакъ анахаевъ единственный глазъ по среди лба Шумаръ появился въ Аларѣ въ началѣ 50-хъ годовъ; онъ есть душа шамана, умершаго въ малолѣтствѣ, скорбѣвшая о преждевременной смерти и прекращеніи рода; въ этой скорби она вселялась въ бурятъ и тѣ цѣлыми толпами ходили и ѣздили по улусамъ, шаманили, славили достоинство, славу, скорбь и проч. Это такъ называемые „болошэны", которые бываютъ между бурятами, напримѣръ „Дулашаны" или „хоринскія дѣвушки", также „Тонгарани Балехой" и друг. Если ада поѣстъ какую-нибудь пищу, то пища эта дѣлается поганою; кто-бы послѣ этого ни съѣлъ ее, непремѣнно станетъ кашлять; это называется „бузар эдьэ идьэ". Еще говорятъ, если ада задушитъ ребенка, то на трупѣ ясно выступаютъ слѣды лапы, обозначаясь синяками; въ это всѣ безусловно вѣрятъ.

Н. П. Баторовъ.

СУДЪ ЗАЯНОВЪ НАДЪ ЛЮДЬМИ.

Въ прежнее время жилъ одинъ бѣдный бурятъ, который почти ничего не имѣлъ; у него было семеро дѣтей, которыхъ не чѣмъ было кормить; онъ имѣлъ только одну корову; да и та однажды потерялась т. е. не возвратилась домой съ подножнаго корма; эту корову съѣлъ волкъ.

Тогда этотъ бурятъ отправился искать потерявшуюся корову и находитъ ее на степи съѣденою волкомъ; на остаткахъ ея сидитъ орелъ, который до того наѣлся, что не могъ летать; тогда этотъ бѣдный бурятъ сильно разсердился на орла; взявши прутикъ, началъ бить орла, приговаривая „Ты, царь орелъ! зачѣмъ сѣлъ на мою корову? я имѣю семеро дѣтей, чѣмъ буду кормить ихъ?" Такимъ образомъ, побивши царя орла, оставшееся мясо увезъ домой, чтобы съѣсть его съ дѣтьми.

Впослѣдствіи черезъ нѣсколько дней этотъ бѣдный бурятъ сильно заболѣлъ; у него одна нога сильно вспухла; онъ не могъ ходить, а лежалъ въ юртѣ.

Однажды онъ видитъ сонъ, что его потребовали въ присутственное мѣсто хозяина острова Ольхона, въ такъ называемый „поёхи сулганъ", куда онъ и явился для выслушанія, почему его потребовали. Здѣсь онъ встрѣтилъ царя орла, который на него пожаловался въ присутственное мѣсто поёхи-сулганъ, что онъ, простой бурятъ, осмѣлился бить его, царя орла. Судьи присутственнаго мѣста поёхи-сулганъ приговорили бѣднаго бурята къ смерти. Бѣдный бурятъ заявилъ свое неудовольствіе и попросилъ судей, чтобъ его отправили въ другое присутственное мѣсто постарше, гдѣ онъ хотѣлъ услышать свой смертный приговоръ и заявить претензіи на царя орла. Въ эту ночь бурятъ болѣе ничего не видѣлъ и проснулся; утромъ о сновидѣніи онъ разсказалъ постороннимъ бурятамъ.

На слѣдующую ночь этого бѣднаго бурята потребовали въ другое присутственное мѣсто, въ такъ называемый сатани-сулганъ (присутственное мѣсто сатинскихъ боговъ) т. е. поёхи-сулганъ отправилъ его къ сатани-сулганъ, чтобы онъ тамъ посудился съ царемъ орломъ. Бѣдный бурятъ на слѣ-

дующую ночь во снѣ отправился по требованію присутственнаго мѣста сатани-сулганъ, гдѣ тоже по жалобѣ царя орла, этого бурята приговорили къ смерти за то, что онъ, простой бурятъ, осмѣлился побить царя орла. Тогда этотъ бурятъ ни чѣмъ не могъ оправдаться и потому попросилъ присутственное мѣсто сатани сулганъ, отправить его въ присутственное мѣсто, которое еще по старше, гдѣ онъ услышитъ свой смертный приговоръ. Въ эту ночь онъ проснулся и сонъ разсказалъ прочимъ бурятамъ.

На слѣдующую т. е на третью ночь этотъ бурятъ видитъ опять сонъ, что его потребовали въ присутственное мѣсто хаӥи-сулганъ; явившись туда, онъ тамъ встрѣтилъ царя орла, который, какъ прежде, жаловался на него. Тогда этотъ бурятъ разсказалъ въ хаӥи-сулганѣ, что и какъ было, что онъ бѣдный человѣкъ, имѣлъ только одну корову, что ее съѣлъ волкъ, а царь орелъ сѣлъ на остатки и наѣлся; что тогда онъ побилъ орла, чтобы онъ не обижалъ бѣднаго человѣка. Хаӥи-сулганъ обвинилъ царя орла; такъ какъ онъ царь орелъ, то долженъ былъ защищать бѣдныхъ бурятъ, а не обижать ихъ и не посылать на нихъ болѣзней; поэтому хаӥи-сулганъ приказалъ царю орлу немедленно вылѣчить этого бурята отъ болѣзни и впередъ не дѣлать ему вреда. Потомъ этого бѣднаго бурята отпустили домой; бурятъ на другое утро проснулся и разсказалъ прочимъ бурятамъ о своемъ сновидѣніи. На слѣдующую ночь этотъ бурятъ видитъ сонъ, что царь орелъ прилетѣлъ къ нему и распоролъ распухшую ногу, изъ нарыва вынулъ большаго червя и бросилъ. Проснувшись, бурятъ видитъ, что нарывъ на его ногѣ прорвался и весь гной вытекъ.

Этотъ сонъ бурятъ тоже разсказалъ прочимъ бурятамъ и послѣ этого онъ скоро выздоровѣлъ, рана на ногѣ зажила.

Этотъ разсказъ, какъ и другіе, напримѣръ разсказъ о похожденіяхъ Хэрэ-бо, показываютъ, что низшіе заяны не могутъ безъ воли высшихъ заяновъ распоряжаться судьбой людей и посылать имъ смерть. Орелъ по словамъ бурятъ сынъ эжина острова Ольхона, Ханъ-Хӧтӧ-бабая и первый бурятскій шаманъ по волѣ боговъ; но если онъ оказался не властенъ надъ душею человѣка, то о другихъ заянахъ и говорить нечего. Изъ другихъ же разсказовъ бурятъ слѣдуетъ,

что каждый заянъ по усмотрѣнію своему можетъ посылать болѣзнь и смерть человѣку, если этотъ провинится передъ нимъ или не соблюдетъ обычая по отношенію къ заянамъ, нарушитъ обрядъ и т. п.

Провинившіеся люди судятся на томъ свѣтѣ, то есть въ мірѣ духовъ, въ разныхъ сулганахъ, сначала въ младшихъ, потомъ въ старшихъ. Первому суду они подвергаются въ поёхи-сулганѣ, покровителемъ котораго считается эжинъ острова Ольхона Хант-Хотö-бабай; второе судебное мѣсто сатани-сулганъ, который находится подъ вѣденіемъ сатинскихъ бурхановъ. Отсюда нѣкоторые отсылаются по усмотрѣнію сатани-сулгана въ хахи-сулганъ, который находится подъ вѣденіемъ западнаго хата. Хахи-сулганъ всегда защищаетъ людей и оправдываетъ ихъ. Другіе изъ сатани-сулгана идутъ въ сулганъ, которымъ завѣдуетъ Эрленъ-ханъ. Въ этомъ сулганѣ судятъ людей очень строго, почти всегда приговариваютъ къ смерти; если кто-нибудь попалъ въ сулганъ Эрленъ-хана, тому добра не будетъ. Если-бы бѣдный бурятъ, тягавшійся съ царемъ-орломъ, попалъ въ этотъ сулганъ, навѣрно его присудили-бы къ смерти.

По словамъ иныхъ бурятъ поёхи-сулганъ представляетъ первое судебное мѣсто, а сулганъ Эрленъ-хана второе; это значитъ, что оба эти мѣста принадлежатъ къ восточнымъ злымъ; а сатани-сулганъ есть первое судебное мѣсто по отношенію къ хахи-сулгану и эти два послѣднихъ сулгана принадлежатъ къ западнымъ добрымъ.

М. Н. Хангаловъ

ПРЕДАНІЯ И ПОВѢРЬЯ УНГИНСКИХЪ БУРЯТЪ.

На соснахъ (или на березахъ) бываютъ такъ называемыя по-русски вихоревы гнѣзда; буряты обыкновенно называютъ ихъ „гуръ-нама" или „гуръ-хала". Бывающія на березахъ называютъ „гуръ намата хуханъ"; такія березы служатъ мѣстопребываніемъ духовъ. Если вихорево гнѣздо образовалось на соснѣ, то буряты говорятъ, что она имѣетъ своего эжина и такую сосну называютъ „эжитэ-нарханъ" [1]). Такія сосны не рубятъ, въ особенности на постройки. На

[1]) Нарханъ, „сосна".

лиственницѣ бываетъ кромѣ обыкновенной сѣры еще камедь, которую буряты называютъ „жили“.

По словамъ бурятъ Унгинскаго инородческаго вѣдомства въ прежнее время Бурханъ сдѣлалъ музыкальный инструментъ „хуръ“, но ни какъ не могъ съиграть что-нибудь; сдѣланный Бурханомъ хуръ не издавалъ никакихъ звуковъ; всѣ старанія Бурхана оставались безъ успѣха. Шитхыръ (дьяволъ) выстроилъ мельницу, которая тоже не молола хлѣба; всѣ старанія Шитхыра заставить ее молоть, остались тоже безъ успѣха; Шитхыръ никакъ не могъ привести мельницу въ движеніе. Наконецъ Бурханъ съ Шитхыромъ обмѣнялись; Бурханъ Шитхыру отдалъ свой хуръ, а себѣ взялъ отъ Шитхыра мельницу. Бурханъ къ мельницѣ сдѣлалъ шестерню, и мельница стала молоть хлѣбъ; другіе говорятъ, Бурханъ сдѣлалъ въ сухомъ колесѣ крестикъ, и мельница стала молоть хлѣбъ; Шитхыръ, взявши у Бурхана хуръ, натеръ его смолою; хуръ съ этого времени сталъ играть хорошо

На свѣтѣ семь рожденій (дэлхэ дэрэ долон тӧрӧл):

1) Мяханъ тӧрӧлъ (мясное рожденіе): люди, разный скотъ, звѣри и пр., которые рождаются живыми.

2) Яханъ тӧрӧлъ (костяное рожденіе): птицы, которыя несутъ яйца и высиживаютъ дѣтей.

3) Ухапъ тӧрӧлъ (водяное рожденіе) или тэрхэнъ тӧрӧлъ (икряное рожденіе): рыбы, которыя выходятъ изъ икры.

4) Ӱхэнъ тӧрӧлъ (жировое рожденіе): черви (ӧтӧн), заводящіеся въ мясѣ отъ мухъ.

5) Ногонъ тӧрӧлъ (травяное рожденіе): червяки, мухи, жуки, кобылки и пр., которые появляются съ травою, какъ будто выходятъ изъ травы.

6) Шоро-тӧрӧлъ (земляное рожденіе): муравьи (шургалжан).

7-е рожденіе разсказчикъ Зангей Захаровъ не могъ вспомнить.

При кастрированіи скота („акталха“ или иногда говорятъ „арилгаха“) или легчаніи пороза или жеребца не дѣлаютъ особыхъ религіозныхъ обрядовъ; соблюдается только обычай, пока кастрированный скотъ не поправится, домохозяева

молочную пищу никому другому не даютъ; иногда не даютъ и другихъ предметовъ; если дадутъ, то кастрированное животное можетъ пропасть или съ трудомъ будетъ поправляться послѣ операціи.

Гора „Хӧмӧръ-Ула" и море „Ҳунъ-далай" упоминаются въ шаманскихъ призываніяхъ только въ началѣ молитвъ, какъ-бы вмѣсто предисловія; напримѣръ:

Даб гэхэр дада
Дала гэхэр ухан
Ҳун далай оломор
Хӧмӧр улан хӧтӧлӧр
Барулама тэнгэри
Табан табан тэнгэри
Эсэгэлэмэ тэнгэри
Эсэгэ-Малан тэнгэри
Эхэлэмэ тэнгэри
Эхэ-Юран тэнгэри
Эсэгэ-Малан тэнгэрин
Ехонъ хобуд бухада
Ерон ехон Мундарга
Тобшилоши бухада
Ерон хат бололо
Ехон басагад бухада
Тӧрмӧ гэртэ бужи
Олон тӧмӧн усатан
Хамак тӧмӧн хататан боло...

По словамъ Унгинскихъ бурятъ на сѣверо-восточной сторонѣ есть собачье царство „нохой хани урам".

Въ этомъ собачьемъ царствѣ, по словамъ бурятъ, всѣ мужчины родятся собаками [1]), которыя такія-же, какъ обыкновенныя собаки, но только большія; женщины-же всѣ родятся людьми, какъ обыкновенныя женщины [2]). Всѣ женщины въ собачьемъ царствѣ постоянно дѣлаютъ хурулха [3]), желая, чтобы у нихъ родились дѣти мужескаго пола не собаками, а людьми;

[1]) „Хобун гарханин нохо ерхэ".
[2]) „Басаган гарханин хун ерхэ".
[3]) Особый шаманскій обрядъ.

вслѣдствіе этого прежде буряты считали большимъ грѣхомъ мочиться ночью, стоя лицомъ къ сѣверо-востоку; такъ какъ женщины въ собачьемъ царствѣ дѣлаютъ хурулха съ юга, то сынъ этого человѣка можетъ родится тамъ въ собачьемъ царствѣ Если въ собачьемъ царствѣ родится мальчикъ человѣкомъ, а не собакой, то женщины сильно радуются.

— —

Послѣ распространенія племени Обогоновыхъ трехъ[1]) и Болотовыхъ трехъ[2]), потомки которыхъ жили въ Идинскомъ и Балаганскомъ вѣдомствахъ съ прочими племенами, жили также три брата Гургалдаевы (Гургалдаи гурбан сэсэн, „Гургалдаевы три умные") которые были изъ племени Харьмяганъ; они жили въ Нижнеудинскомъ округѣ.

Три брата Гургалдаевы ѣздили за море черезъ Аларь и Тунку. Цѣль ихъ поѣздки была разная, но большею частію они дѣлали состязанія на словахъ; они говорили загадками. Съ того времени прошло около 10 поколѣній.

Однажды три брата Гургалдаевы ѣхали за море черезъ Аларское вѣдомство; во время пути они опоздали, а потому остановились около одного дома, желая заночевать; возлѣ этого дома одна дѣвица собирала щенки. Подъѣхавъ, они спросили у дѣвицы: „Дома-ли твои отецъ и мать"? Она отвѣтила: „Отца и матери дома нѣтъ"! Тогда три брата Гургалдаевы спросили: „Куда ушли отецъ и мать"? Она отвѣтила: „Ушли къ сосѣду, не бывши должнымъ, задолжаться, не бывши больными, болѣть ушли".

Потомъ три брата Гургалдаевы спросили ее, могутъ-ли они ночевать въ ея домѣ; дѣвица сказала, что она безъ отца и матери не знаетъ этого. Тогда три брата Гургалдаевы сказали дѣвицѣ: „Мы уѣдемъ ночевать въ степь; дайте намъ котелъ варить два яйца степной курицы и шейный позвонокъ журавля"? Она отвѣтила: „Не держаный котелъ; сломаете! боюсь отца! не тертый котелъ, сотрете! боюсь матери"! Послѣ этого три брата Гургалдаевы сказали: „Мы поѣдемъ ночевать въ степи; завтра опять пріѣдемъ; подойте быка и сдѣлайте

[1]) Обогонъ имѣлъ трехъ сыновей: старшій Хого, средній Онго и младшій Онхото, отъ которыхъ будто произошли идинскіе буряты.

[2]) Болотъ имѣлъ трехъ сыновей: старшій Олзой (Хан-Олзой), средній Хулмэнгэ и младшій Муры, отъ которыхъ произошли буряты Олзоевскихъ, Кульметскихъ и Муруевскихъ родовъ Унгинскаго инородческаго вѣдомства.

эльгинъ-таракъ". Она отвѣтила: „Не досугъ; собираю щепки". Тогда они спросили: „Зачѣмъ собираешь щепки"? Она отвѣтила: „Отецъ родилъ сына". Они спросили: „Развѣ мужчины родятъ"? а она спросила: „Развѣ быки телятся"? Послѣ этого она ушла въ юрту.

Три брата Гургалдаевы уѣхали въ степь, гдѣ ночевали; на другое утро они снова пріѣхали къ этому дому; тогда она доила корову; они, подъѣхавъ къ ней, спросили: „Мы ищемъ трехъ годовалую красную корову. Не видѣла-ли"? Она отвѣтила: „Недавно она ушла къ югу; за ней шли три пороза, у большаго чернаго пороза одинъ рогъ сломанъ и одинъ глазъ выколотъ; на посъ этого пороза красная корова мочилась". Послѣ этого она опять ушла въ юрту. Гургалдаевы три брата нашли себя побѣжденными и осмѣянными; потому что старшій братъ изъ нихъ былъ черный и однимъ глазомъ не видѣлъ. Потомъ они уѣхали далѣе.

Племя Арганутъ происходитъ изъ племени Экиритъ. По словамъ унгинскихъ бурятъ племя Экиритъ первое встрѣтило русскихъ казаковъ на рѣкѣ Ленѣ, около нынѣшняго города Верхоленска и было разсѣяно; буряты изъ племени Экиритъ ушли въ другія мѣста: такъ два брата Аргаганъ и Абаши пришли изъ Верхоленскаго вѣдомства въ нынѣшнее Боханское инородческое вѣдомство[1]) и поселились тамъ; отъ Аргагана произошли буряты, которые живутъ въ 3-мъ Готольскомъ родѣ, нынѣ кажется около 100 душъ, а потомки Абашея живутъ въ 2-мъ Готольскомъ родѣ.

Племя[2]) Сартулъ, живущее нынѣ въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ за Байкаломъ, будто-бы вышло изъ Шишки-Монголіи. Буряты изъ племени Сартулъ по словамъ унгинскихъ бурятъ не ѣдятъ крови животныхъ, потому что ихъ шаманское утха (корень, происхожденіе) воспрещаетъ это; въ особенности не ѣдятъ кровь животныхъ шаманы изъ племени Сартулъ.

Нынѣ въ Унгинскомъ инородческомъ вѣдомствѣ, 2-мъ Кульметскомъ родѣ, есть буряты изъ племени Сартулъ; шаманъ изъ этого племени Тармаханъ кровь животныхъ не ѣлъ.

---

[1]) Правильнѣе Бохонъ, «шаманенокъ».
[2]) Обыкновенно буряты говорятъ яханъ по-русски «кость».

Племя Сартулъ дѣлится на двѣ части: Шарга-Сартулъ, кровь животныхъ ѣдятъ, и Зэрдэ-Сартулъ—кровь не ѣдятъ. Нѣкоторые буряты объясняютъ, что шаманы изъ племени Зэрдэ-Сартулъ въ прежнее время будто-бы дали какую-то клятву на крови, а потому теперь и не ѣдятъ крови.

Родоначальникъ Хангинцевъ и Шаратовъ Хоредой былъ изъ племени Сартулъ, а впослѣдствіи женился на небесной дочери; Шишки-Монголы упоминаются въ шаманской молитвѣ

«Шингил шибэ газар
Шишки Монгол утха»...

Потомки Хоредоя Хангинцы и Шараты кровь животныхъ ѣдятъ.

По словамъ унгинскихъ бурятъ Шударманъ прежде жилъ въ Монголіи около «Хара-Дархатъ» и былъ какимъ-то начальникомъ; Шудармана прежде звали Шудурунъ. Когда Монголія подпала подъ владѣніе Китая, Шударманъ какъ-то разсорился съ китайскимъ ханомъ, и задумалъ принять русское подданство,—вслѣдствіе этого Шударманъ будто черезъ верховья рѣки Оки прибылъ въ Тунку, откуда далъ знать переводчику Шемезову, который въ это время жилъ въ Заларяхъ на московскомъ трактѣ. Шемезовъ, получивъ извѣстіе отъ Шудармана, написалъ въ Петербургъ о желаніи Шудармана принять русское подданство. Изъ Петербурга написали Шемезову принять Шудармана; тогда Шемезовъ выѣхалъ въ Тунку къ Шударману; но его передъ нимъ китайцы уже поймали и увезли въ Китай, гдѣ и казнили его. По словамъ бурятъ, когда Шемезовъ пріѣхалъ въ Тунку на то мѣсто, гдѣ стоялъ Шударманъ, то пепелъ, гдѣ разводили огонь, былъ еще теплый. Съ того времени прошло 8 поколѣній.

Въ Монголіи въ прежнее время развелось множество волковъ, которые давили много скота и людей; вслѣдствіе этого учредили облаву на волковъ. Обязанность облавщиковъ была дѣлать облавы на волковъ и убивать ихъ, а также и другихъ звѣрей. Эти облавщики имѣли своего отдѣльнаго начальника («абангъ-ноёнъ»). По словамъ унгинскихъ бурятъ, надъ такими облавщиками былъ начальникомъ сынъ Есухэ-батара Тумушинъ, который распоряжался и управлялъ облавщиками во время облавы. На эту облаву принимали хоро-

шихъ и ловкихъ стрѣлковъ изъ лука на хорошихъ лошадяхъ. Эти облавщики по словамъ преданія современемъ умножились до громадныхъ размѣровъ; число ихъ достигло до 5,000 колчановъ. И въ такомъ громадномъ количествѣ они все-таки дѣлали облаву на волковъ, но современемъ начали нападать и на сосѣднихъ народовъ и отбивать у нихъ скотъ и прочее добро. Впослѣдствіи облавщики умножились еще до большихъ размѣровъ и начали покорять сосѣднихъ хановъ и прочіе народы; такимъ образомъ Тумушинъ изъ начальника облавщиковъ сдѣлался ханомъ. Однажды во время большаго сбора народа и войска, въ числѣ котораго былъ и самъ Тумушинъ, сверху спустилась птица, начала летать надъ народомъ и войскомъ и въ это время кричала: чингис, чингис, чингис! Вслѣдствіе этого Тумушинъ получилъ имя Чингисъ-богдо-ханъ. Онъ назвался сыномъ Эрхэтэ-тэнгэрина. «Эрхэтэ-тэнгэрин хобун, эрхэ ехэ хӱшетэ; эрдэм ехэ бэлэктэ чингис-богдо-хан».

По словамъ унгинскихъ бурятъ тэнгэрины послѣ продолжительныхъ пировъ и гуляній ложатся спать, и спятъ очень долго (иные, говорятъ, около 100 лѣтъ). Когда тэнгэри спитъ, то душа тэнгэри, немогши дождаться пробужденія тѣла и соскучившись въ ожиданіи, спускается внизъ на землю и рождается человѣкомъ. Если душа тэнгэри родится на землѣ человѣкомъ спустя много времени послѣ того, какъ тэнгэри заснулъ и когда до пробужденія тэнгэри осталось уже не много лѣтъ, то родившаяся человѣкомъ душа тэнгэри не долго живетъ на землѣ; тэнгэри пробуждается отъ продолжительнаго сна и человѣкъ съ душею тэнгэри умираетъ; душа тэнгэрина возвращается на небо къ разбудившемуся тэнгэри. Если душа тэнгэри, послѣ того какъ заснулъ тэнгэри, оставитъ небо вскорѣ, то человѣкъ, въ котораго она войдетъ, будетъ долго жить. Если душа западнаго тэнгэри родится на землѣ человѣкомъ, то онъ будетъ умный и хорошій человѣкъ, всегда старающійся дѣлать добро людямъ. Душа западнаго тэнгэри, переродившаяся на землѣ человѣкомъ, тоже заболѣваетъ разными болѣзнями, какъ простые люди. Если на землѣ переродится человѣкомъ душа восточнаго тэнгэри, то этотъ человѣкъ всегда будетъ стараться дѣлать людямъ зло и вредъ. Этотъ человѣкъ никогда

не болѣетъ и не кашляетъ, потому что онъ душа восточнаго тэнгэрина, а всѣ болѣзни бываютъ отъ восточныхъ тэнгэриновъ.

Когда тэнгэри проспется отъ продолжительнаго сна, этотъ человѣкъ умираетъ, потому что душа тэнгэри должна возвратиться обратно къ своему хозяину на небо.

По словамъ унгинскихъ бурятъ, если первый весенній громъ бываетъ на сѣверо-западной сторонѣ, то кобылы будутъ молочными въ это лѣто; а если первый весенній громъ будетъ на сѣверо-восточной сторонѣ, то коровы будутъ молочными въ это лѣто.

Найжіями обыкновенно бываютъ шаманы, которыхъ приглашаютъ къ больнымъ, чтобы дѣлать разные религіозные обряды, умилостивлять заяновъ, испрашивать у нихъ больному выздоровленіе. Хорошій шаманъ больнаго можетъ выручить отъ смерти, возвративъ съ помощію заяновъ душу больнаго обратно къ тѣлу.

Приглашенный къ больному шаманъ по пріѣздѣ ворожитъ на лопаткѣ, чтобы узнать какому заяну, какіе нужно сдѣлать обряды; потомъ приступаетъ къ самымъ обрядамъ, ходатайствуя за больнаго передъ заянами. Если больной къ счастію шамана выздоровѣетъ, то онъ награждаетъ шамана и зоветъ его своимъ найжіемъ; если больной умретъ, то шаману особеннаго уваженія не бываетъ.

Если у кого-нибудь больны дѣти или они умираютъ, то къ новорожденнымъ или къ маленькимъ больнымъ дѣтямъ приглашаютъ шамана, который тоже дѣлаетъ разные обряды заянамъ. При этомъ приглашенный къ маленькому ребенку шаманъ для охраненія его отъ нечистыхъ и злыхъ духовъ дѣлаетъ такъ называемый «хахюханъ»

Этотъ хахюханъ новорожденныхъ или маленькихъ больныхъ дѣтей защищаетъ отъ злыхъ и не чистыхъ духовъ; они не могутъ вредить, если хахюханъ сдѣланъ хорошимъ шаманомъ. Если новорожденный ребенокъ останется живымъ или выздоровѣетъ, то шамана называютъ найжи и награждаютъ его за труды.

Если ребенокъ умретъ, то хахюханъ возвращаютъ шаману, титулъ найжи прекращается. Обязанность найжи къ

ребенку состоитъ въ томъ, чтобы его съ помощію заяновъ защитить отъ злыхъ и нечистыхъ духовъ и выпросить у заяновъ милость и покровительство. Найжи бываютъ не въ каждомъ семействѣ. Обыкновенно буряты въ крайнихъ случаяхъ приглашаютъ найжи, а глупыхъ и куражливыхъ шамановъ вообще избѣгаютъ.

Найжи по желанію родителей перемѣняются; иногда бываетъ нѣсколько найжи у одного семейства. Если ребенокъ выростетъ, то уважаетъ своего найжи, который не вмѣшивается въ личныя дѣла своего опекаемаго.

М. Н. Хангаловъ.

НѢСКОЛЬКО ОБРАЗЦОВЪ БУБНОВЪ МИНУСИНСКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

(См. таблицы рисунковъ).

№ 1 й. Срисованъ мной въ 1883 году въ улусѣ Бутракты, на рѣчкѣ Бутракты у кама родомъ съ рѣчки Сея изъ кости (сюкъ) Кобій. Предки шамана съ Мрассы, изъ Кузнецкаго округа.

Діаметръ бубна 72 cm; ширина обичайки, на которой натянута кожа, 15 cm; на верхнемъ концѣ петелька для привѣшиванья бубна на гвоздикъ; около нея въ рядъ четыре выпуклыхъ шишечки. Въ обичайку въ этомъ мѣстѣ вбиты четыре колышка. Бубенъ и обичайка обтянуты продымленой кожей марала (Cervus elaphus).

На внутренней сторонѣ бубна вставлена рукоятка (марсы) и сквозь нее продѣта желѣзная поперечина. На широкихъ лопастяхъ рукоятки съ каждой стороны по три продолговатыхъ отверстія. По объясненію шамана духи влетаютъ по его зову подъ бубенъ (тюръ) въ эти дырочки съ одной стороны и вылетаютъ съ другой послѣ камланія.

Около марсы на обичайкѣ висятъ съ правой стороны двѣ, а съ лѣвой три желѣзныхъ привѣски. На желѣзной перекладинѣ привѣшено съ каждой стороны по два небольшихъ подлужныхъ колокольчика и лоскутки цвѣтныхъ матерій (чжалама).

Верхняя часть бубна называется *чигычыхъ*; она раздѣлена на двѣ части поперечной полосой, называемой *тигеръ*-

курумъ (небесный поясъ)—радуга. На этой полосѣ красной краской начерчены треугольники, внутри которыхъ, вершинами въ противоположную сторону, вчерчены углы. Вдоль верхней части бубна надъ описанной полосой идетъ дуга съ такимъ-же орнаментомъ, какъ и поперечная; называется она также *тигеръ-курумъ*, но обозначаетъ млечный путь.

На счетъ изображеній, имѣющихся на бубнѣ, камъ далъ мнѣ слѣдующія объясненія:

а) Нижняя часть бубна.

1) *Бай-казынъ* (писанъ бѣлой краской), буквально—«богатая береза». Также называются и березы, около которыхъ совершаются ежегодныя жертвоприношенія инородцами.

2) *Улугъ-бай-казынъ* (бѣлой краской). Оба эти дерева по словамъ кама растутъ въ царствѣ Ильхана подъ землей.

3) *Акъ-бага* (бѣлая лягушка) } слуги Ильхана.
4) *Кара-бага* (черная лягушка) }

5) *Чжиты-усъ*—какіе-то духи о семи гнѣздахъ и о семи перьяхъ.

6) *Чжиты-кызъ* (семь дѣвъ); напускаютъ семь болѣзней на человѣка.

7) *Ульгере*; ему камлаютъ отъ болѣзней зубовъ и ушей.

8) *Отъ-имезе*; камъ перевелъ по-русски—«мать огня».

б) Верхняя часть бубна.

1) *Солбанъ-иръ* (камъ перевелъ—«зоря»).

2) *Кюнъ*—солнце.

3) *Ике-карагусъ*—двѣ черныя птицы; летаютъ на посылкахъ къ шайтанамъ отъ шамана.

4) *Аба-тюсъ* (медвѣжій тюсь).

5) *Сугызнымъ-карагатъ*; камъ перевелъ—кони Ильхана.

6) *Кызылъ-кихъ-ханъ.* Ему камлаютъ, когда отправляются на промыселъ. Остальныя фигуры, писанныя бѣлой краской—звѣри, за которыми Кызылъ-кихъ-ханъ охотится.

Остальные бубны, за исключеніемъ № 2-го, доставлены въ Минусинскій музей Таштыпскимъ священникомъ, отцомъ Павломъ безъ объясненій.

№ 2-й. Бутракты, окрестности Таштына. Діаметръ 62 cm. Ширина обичайки 15 cm. Шишечекъ нѣтъ; писанъ бѣлой, черной и красной красками. На обратной сторонѣ справа и слѣва отъ марсы по двѣ плоскихъ желѣзныхъ привѣски. На перекладинѣ марсы съ правой стороны одинъ колокольчикъ поддужный и одна желѣзная коническая висюлька, съ лѣвой стороны двѣ желѣзныхъ коническихъ висюльки. По обѣимъ сторонамъ желѣзной перекладины цвѣтныя ленты.

На верхней сторонѣ роспись весьма схожая съ № 1-мъ; только двѣ линіи, поперечная и полукруглая, писаны бѣлой краской.

Въ верхней половинѣ слѣва на верху бѣлой краской изображеніе животнаго съ длинными ушами; правѣе и повыше кругъ, внутри раздѣленный крестовиной, писанъ бѣлой краской (можетъ быть отвѣчаетъ № 2-му бубна № 1-й?). Правѣе круга три фигуры красной краской—всадникъ, ѣдущій въ правую сторону и оглядывающійся назадъ; впереди него рядомъ двѣ птицы (вѣроятно тоже, что № 3-й, бубенъ 1-й).

Ниже четыре животныхъ, бѣгущихъ гуськомъ одно за другимъ слѣва направо—черной краской.

Подъ ними всадникъ съ поднятой лѣвой рукой и впереди него четыре коня (?) или марала (?), бѣгутъ другъ за другомъ слѣва направо. Правѣе ихъ какой-то на половину стертый знакъ.

На нижней половинѣ бубна подъ поперечной полосой семь схватившихся руками человѣческихъ фигуръ, въ рядъ; они повидимому оглядываются назадъ; первая съ рукой упертой въ бокъ—группа, аналогичная № 6-му перваго бубна; писана черной краской.

Правѣе всадникъ, подъ нимъ фигура звѣря; писаны бѣлой краской. Въ правомъ углу два дерева—бѣлой-же краской—аналогично №№ 1-му и 2-му перваго бубна.

Ниже слѣва направо—красной краской—рядъ человѣческихъ фигуръ, подобныхъ фигурамъ верхняго ряда; сохранилось четыре, но остались слѣды другихъ, вѣроятно ихъ было семь-же. Можетъ быть аналогичны № 5-му перваго бубна. Мимо этихъ фигуръ слѣва направо бѣжитъ звѣрь съ длиннымъ, прямымъ хвостомъ, высоко торчащими ушами и острымъ рыломъ на короткихъ ногахъ—писанъ красной краской—похожъ на № 7-й перваго бубна.

Ниже двѣ лягушки—лѣвая писана красной, правая бѣлой краской.

Бубенъ этотъ сдѣланъ былъ по моему заказу и доставленъ въ Минусинскій музей.

№ 3-й. Изъ Таштыпа—отобранъ у шамана священникомъ, отцомъ Павломъ.

Овальной формы, большой діаметръ 73, малый 68 cm. Ширина обичайки 16 cm. На верхнемъ краѣ шесть шишечекъ.

На внутренней сторонѣ на обичайкѣ—справа и слѣва по три плоскихъ, желѣзныхъ привѣски. Коническихъ привѣсокъ на перекладинѣ слѣва одна, справа три. Съ каждой стороны по одному поддужному колокольцу и чжалама. Рукоятка съ двумя плоскими концами, съуживающимися къ краямъ бубна, съ тремя узкими прорѣзями съ каждой стороны. Между прорѣзями украшеніе въ видѣ трехъ вставленныхъ одинъ въ другой уголковъ.

На верхней сторонѣ:

Двѣ полосы одна подъ другой, дѣлящія бубенъ на двѣ части. Верхняя расписана бѣлыми, заходящими одинъ въ другой уголками; между ними красныя точечки. На нижней полосѣ рядъ такихъ-же двойныхъ уголковъ, изъ которыхъ одни писаны бѣлой, другіе красной краской. Вдоль верхняго края бубна дуга, расписанная также, какъ верхняя поперечная.

На верхней половинѣ бубна изображены:

Наверху всадникъ по видимому съ бубномъ въ лѣвой рукѣ; впереди него птица, бѣгущая, наклонясь впередъ, съ распущенными крыльями (черной краской). Правѣе двѣ звѣзды (бѣлой краской).

Во второмъ ряду три звѣря (должно быть лошади) красной краской. Немного пониже ихъ всадникъ, размахивающій руками (бѣлой краской). Правѣе и выше этого другой всадникъ съ лукомъ въ рукахъ (красной краской). Правѣе еще, подъ звѣздой, бѣгущая съ распущенными крыльями птица—черной краской.

Въ нижнемъ ряду два всадника, задній красной краской, передній бѣлой; впереди послѣдняго четыре звѣря бѣгутъ гуськомъ слѣва направо. Изъ нихъ третій черной краской остальные бѣлой.

На нижней половинѣ бубна:

Въ лѣвомъ углу звѣрь (конь), красной краской Правѣе, другъ подъ другомъ въ два ряда семь черныхъ и семь красныхъ фигуръ человѣчковъ; у красныхъ фигуръ руки уперты въ бока, въ остальномъ они аналогичны фиг. 6 и 5 перваго бубна. Подъ ними звѣрекъ черной краской

Правѣе и нѣсколько большихъ размѣровъ, по сравненію съ двумя рядами человѣческихъ фигуръ, стрѣлокъ съ лукомъ, пѣшій идетъ справа налѣво, голова обороченa вправо (черная краска). Правѣе два дерева бѣлой краской. Подъ деревьями непосредственно какое-то стертое изображеніе черной краской. Ниже двѣ змѣевидныхъ фигуры—одна (правая) бѣлая, другая красная. Нѣсколько выше змѣй двѣ лягушки. Бѣлая надъ красной змѣей, черная лѣвѣе[1]).

№ 4. Бубенъ изъ Таштыка, доставленъ отцомъ Павломъ. Овальный, наибольшій діаметръ 72, наименьшій 64 ст. На внутренней сторонѣ, на обичайкѣ съ правой стороны четыре, съ лѣвой три плоскихъ привѣски. На желѣзной перекладинѣ съ одной стороны три, съ другой четыре коническихъ висюльки-погремушки. Колокольчиковъ нѣтъ. Чжалама изъ цвѣтныхъ лоскутковъ. Рукоятка массивная, въ срединѣ цилиндрическая, къ обоимъ концамъ расширяется и имѣетъ видъ полупирамиды. Близъ краевъ пирамидка переходитъ въ широкія лопасти; по срединѣ ихъ выпуклый гребешекъ съ насѣчкой по верхнему краю въ видѣ уголковъ. На плоскихъ крыльяхъ съ каждой стороны по три отверстія и между ними украшенія въ видѣ уголковъ.

Верхняя сторона бубна расписана одной бѣлой краской.

Двѣ поперечныхъ полосы раздѣляютъ бубенъ на двѣ части. Полосы украшены рядами треугольниковъ, внутри которыхъ вчерчены двѣ перекрещивающіеся линіи. Дуга вдоль верхняго края украшена рядомъ двойныхъ, захватывающихъ отчасти площади сосѣднихъ, треугольниковъ.

На верхней половинѣ изображенія почти стерлись; замѣтны въ лѣвой сторонѣ неясные слѣды двухъ фигуръ пѣшихъ, вооруженныхъ луками. Подъ поперечной полосой чело-

[1]) На одной таблицѣ съ № 3-мъ нарисована колотушка (орба) отъ этого-же бубна. Она костяная съ мѣднымъ кольцомъ въ ременномъ темлякѣ. Къ кольцу прикрѣплена чжалама; длина ея 19 cm.

вѣческая фигурка съ бубномъ (?), правѣе вооруженная лукомъ, впереди ея два быстро бѣгущихъ звѣря.

Ниже въ лѣвой сторонѣ подъ первыми двумя двѣ фигуры съ луками. Нѣсколько выше ихъ всадникъ, ниже и правѣе всадника небольшой звѣрекъ съ длиннымъ хвостомъ. Передъ нимъ изображеніе какого-то трезубца, можетъ быть острога. Правѣе дерево, лишенное листьевъ и два дерева съ листьями. Внизу съ лѣвой стороны какой-то щетинистый звѣрь, правѣе него лягушка.

№ 5. Бубенъ изъ Аскыса. Почти круглый. Наибольшій діаметръ 77, наименьшій 75 ст.; ширина обичайки 12 ст. Число шишечекъ на верху 6. Справа подъ обичайкой два, слѣва три плоскихъ привѣска. Желѣзная перекладина въ срединѣ выпуклая. Число коническихъ висюлекъ справа три, слѣва пять. Съ каждой стороны по два колокольчика.

Рукоятка по устройству подобная № 4.

Верхняя часть бубна перегорожена двойной полосой; верхняя, красная украшена городками, нижняя писана бѣлой краской съ такими-же городками. Вдоль верхняго края бубна красный ободокъ.

На верхней половинкѣ бубна изображено:

Въ лѣвомъ углу птица писанная черной краской; правѣе бѣгущій звѣрь (конь?) тоже черной краской. Правѣе, около ободка бѣгущій звѣрь, писанный бѣлой краской; подъ нимъ и нѣсколько правѣе изображеніе звѣзды; подъ нею другая, на половину стертая.

Во второмъ ряду черный всадникъ на черномъ конѣ, впереди него—бѣлый на бѣломъ конѣ. Впереди пѣшій стрѣлокъ съ лукомъ (бѣлая краска) и правѣе въ томъ-же ряду бѣлая овальная, на половину стертая фигура.

На нижней половинкѣ бубна:

Всадникъ верхомъ на конѣ (фигура коня почти стерлась); впереди всадника конь (черная краска). Въ правомъ углу черной краской три полустертыхъ изображенія какихъ-то животныхъ съ длинными, поднятыми вверхъ хвостами.

Слѣва въ слѣдующемъ ряду щетинистый звѣрь на четырехъ тоненькихъ ножкахъ; вдоль овальнаго тѣла животнаго продольная черта красной краской. Выше и правѣе этого звѣря два другихъ съ рогами, въ спокойныхъ позахъ (бѣлой

краской); впереди звѣрекъ съ продолговатымъ тѣломъ вытянутой шеей (черной краской).

Ниже съ лѣвой стороны (черная краска) четыре человѣческихъ фигурки, схватившіяся руками; первая держитъ, какъ кажется, лукъ въ рукахъ съ наложенной стрѣлой. Между третьей и четвертой стертый очеркъ какой-то овальной фигуры бѣлой краской. За четвертой фигурой человѣка въ нѣкоторомъ разстояніи вправо стершаяся почти фигурка человѣка.

Въ правой сторонѣ бубна два всадника. Кони на коротенькихъ ножкахъ, спины очень вогнутыя. По всей вѣроятности это всадники, ѣдущіе не на коняхъ, а на какихъ-нибудь другихъ животныхъ, такъ какъ способъ изображенія ихъ отличается отъ обычнаго.

Подъ нижнимъ всадникомъ какой-то звѣрь съ длиннымъ носомъ и узкимъ тѣломъ на короткихъ ногахъ въ вертикальномъ положеніи; около него справа черная змѣя (черной краской). Между фигурами всадниковъ и четырьмя человѣками два дерева (бай-казынъ и улугъ-бай-казынъ). Лѣвѣе деревьевъ внизу двѣ лягушки—бѣлая и черная и слѣдъ какой-то стершейся фигуры.

№ 6. Бубенъ изъ Таштына. Большой діаметръ 73 cm, малый 69; ширина обичайки 13 cm. На верху шишечекъ нѣтъ; нѣтъ и плоскихъ привѣсокъ на обичайкѣ. На желѣзной перекладинѣ справа три, съ лѣвой стороны одна коническая привѣска. Съ каждой стороны по два поддужныхъ колокольчика.

Рукоятка въ срединѣ круглая, переходящая въ массивныя расширенія съ украшеніемъ въ видѣ тройной зубчатой линіи, а потомъ въ плоскія крылья съ высокимъ, узкимъ продольнымъ гребешкомъ по срединѣ. Съ каждой стороны въ крыльяхъ по три широкихъ отверстія. Нижнее крыло обломано, чжалама оборвана.

На верхней сторонѣ два концентрическихъ круга вдоль края бубна; первый прочерченъ бѣлой краской; въ немъ рядъ бѣлыхъ точекъ; второй, внутренній, сдѣланъ синей краской, украшенъ простыми зубчиками.

По срединѣ двѣ полосы начерчены черной краской.

На верхней половинѣ только замѣтенъ слѣва рядъ бѣлыхъ точекъ вдоль верхней дуги. Остальныхъ фигуръ незамѣтно; всѣ стерты. Внизу, вдоль края рядъ бѣлыхъ точекъ.

Съ лѣвой стороны видны три фигуры людей, схватившихся руками; подъ ними изображеніе всадника, ѣдущаго справа налѣво и снизу вверхъ. Ниже и правѣе видно изображеніе лягушки—все писано синей краской.

№ 7. Бубенъ изъ Таштыпа. Большой діаметръ 66 ст., малый 56, ширина обичайки 14 ст. Вверху съ каждой стороны на обичайкѣ по одной привѣскѣ. Перекладина выпуклая въ срединѣ; съ каждой стороны по 7 коническихъ привѣсокъ и съ лѣвой поддужный колокольчикъ; отъ чжаламы только остатки. Рукоятка плоская съ выпуклыми краями. Въ срединѣ высокое ребро и въ немъ по продольному прорѣзу въ верхней и нижней половинѣ рукоятки. Кромѣ того по три прорѣза съ каждой стороны на плоскихъ лопастяхъ рукоятки. Между прорѣзами украшенія въ видѣ вырѣзанныхъ вглубь уголковъ. Около средины рукоятки съ каждой стороны по овальному отверстію.

По наружной сторонѣ ободокъ вдоль внѣшней окружности, украшенный городками, начертанными бѣлой краской. Полоса эта въ срединѣ расширяется въ овалъ. Внутри его было какъ будто что-то изображено, но рисунокъ стерся до неузнаваемости.

На верхней половинкѣ бубна изображено:

Надъ поперечной чертой слѣва пять, а справа шесть схватившихся руками человѣческихъ фигуръ (черная краска). Правѣе на выпуклой дугѣ, образующей средину поперечной линіи (черной краской), дерево; надъ нимъ бѣлая, а немного лѣвѣе черная звѣзда. Въ срединѣ выпуклости два наклонно стоящихъ дерева безъ листьевъ, писанныхъ черной краской, а надъ ними по бѣлой звѣздѣ. Правѣе, симметрично со стоящимъ по лѣвую сторону, дерево съ листьями, писанное черной краской; надъ нимъ черная, а немного правѣе бѣлая звѣзда. Подъ бѣлой звѣздой и надъ рядомъ схватившихся руками человѣчковъ три фигуры человѣческихъ, сдѣланныхъ черной краской. Лѣвая по-меньше, а двѣ стоящихъ рядомъ по-больше, съ упертыми въ бока руками.

На нижней половинѣ бубна съ лѣвой стороны подъ поперечной полосой пять схватившихся руками человѣчковъ, совершенно подобныхъ изображеннымъ на верхней половинѣ. Подъ ними и нѣсколько ближе къ срединѣ четыре отдѣльныхъ фигурки, изображающія людей. Рисунокъ почти совер-

шенно стерся. Можно разобрать только, что стоящая правѣе другихъ держитъ въ рукѣ не то бубенъ, не то натянутый лукъ.

Правѣе и немного пониже этой фигуры остатки изображенія, какого-то длиннаго звѣрка на короткихъ ножкахъ съ щетинистой шерстью. Въ самомъ низу изображеніе лягушки. Вся нижняя часть бубна писана черной краской.

№ 8. Бубенъ съ могилы шамана. Снятъ съ дерева около села Аскысскаго. Круглый, діаметръ 61 cm., ширина обичайки—14 cm. Поперечная перекладина переломлена, на лѣвой половинѣ сохранилось три, на правой шесть коническихъ привѣсокъ. На обичайкѣ по обѣ стороны рукоятки по одной плоской привѣскѣ. Рукоятка плоская съ овальными прорѣзами вверху и внизу. Подъ прорѣзами по кружечку съ начерченными внутри лучеобразно расходящимися радіусами. Средина рукоятки расширена въ видѣ овала, внутри котораго, по обѣ стороны срединной узкой и скругленной части, овальныя отверстія. Кожа на бубнѣ разорвана по срединѣ, покоробилась и выбѣлилась отъ дождей и солнца. На сколько можно разобрать, онъ былъ писанъ красной и бѣлой краской. На немъ былъ ободокъ вдоль окружности верхняго края бубна, украшенный зубчиками. Двумя перпендикулярными полосами, также украшенными зубчиками, онъ былъ раздѣленъ на четыре квадранта. Всѣ полосы писаны красной краской.

Въ верхнемъ лѣвомъ квадрантѣ виднѣется остатокъ звѣзды, писанной бѣлой краской и въ углу, между двумя перекрещивающимися діаметрами, изображеніе всадника, красной краской; ѣдетъ слѣва направо. Въ лѣвомъ, нижнемъ квадрантѣ изображеній не видно. Въ правомъ верхнемъ два дерева (байказыны?) и надъ ними звѣзды бѣлой краской. Въ правомъ нижнемъ квадрантѣ всадникъ, слѣва направо ѣдущій; красная краска.

При этомъ бубнѣ костяная орба. Широкая и выпуклая часть ея украшена рядами кружечковъ съ точечками въ срединѣ (табл. 9, рис. а). У рукоятки орбы ременный темлякъ съ мѣднымъ кольцомъ и чжаламой.

Недалеко отъ села Тесинскаго въ пещерѣ были найдены г. Гандельсманомъ двѣ рукоятки отъ бубновъ. Сколько мнѣ извѣстно, въ окрестностяхъ Теси уже около 80 лѣтъ не живутъ и не кочуютъ инородцы. Не слыхалъ я, чтобы въ этой

пещерѣ или около нея происходили камланія. Рукоятки эти по всей вѣроятности остатокъ тѣхъ временъ, когда около Теси кочевали по Тубѣ тубинскіе роды.

Одна изъ рукоятокъ плоская, состоитъ изъ двухъ расширяющихся къ срединѣ усѣченныхъ треугольниковъ. По срединѣ съ обѣихъ сторонъ полукруглыя выемки. Украшеній никакихъ, форма чрезвычайно простая.

Вторая рукоятка иной формы. Плоскій чрезвычайно вытянутый, срѣзанный по концамъ овалъ. Въ срединѣ наружной стороны выпуклый продольный валикъ, переходящій въ выпуклую ручку. Подъ ручкой овальное отверстіе. Съ обѣихъ сторонъ, какъ съ наружной, такъ и съ той, которая обращена къ крышкѣ бубна, вырѣзаны въ глубь непрерывной чертой разныя изображенія. На наружной сторонѣ послѣдовательно сверху внизъ: изображеніе рыбы, небольшого четвероногаго, вѣточки дерева, кружка. Ниже неясное изображеніе птицы, потомъ рыба и лягушка. На тыльной сторонѣ: олень, всадникъ, подъ нимъ другой всадникъ. Ниже срединнаго отверстія—звѣрь похожій на волка; подъ нимъ олень, въ самомъ низу всадникъ.

Желая доставить матеріалъ для изученія шаманскихъ бубновъ спеціалистамъ, я препровождаю мою замѣтку и рисунки на усмотрѣніе Восточно-сибирскаго отдѣла. Цѣль моя отчасти также обратить вниманіе ученыхъ на этнографическія коллекціи Минусинскаго музея, до сихъ поръ весьма мало извѣстныя.

Не имѣя подъ руками источниковъ, я не могу сравнить описанные бубны съ изображенными въ изданіяхъ трудовъ прежнихъ изслѣдователей. Замѣчу только, что всѣ описанные бубны изъ одного уголка Минусинскаго округа—изъ юго-западнаго. Хотя я не знаю шамановъ, которымъ принадлежали эти бубны, но, судя по мѣстности, думаю, что это были сагайскіе или бельтирскіе шаманы. Какой характеръ имѣютъ бубны современныхъ качинскихъ шамановъ (качинцы самое многочисленное племя изъ минусинскихъ инородцевъ) утвердительно сказать не могу.—Со временемъ, когда мы будемъ имѣть подобныя коллекціи бубновъ отъ большинства шаманствующихъ народовъ, когда можно будетъ сравнивать ихъ между собою и съ другими памятниками

инородческой и древнесибирской жизни, напр. съ рисунками на скалахъ и могильныхъ камняхъ, тогда можно будетъ освѣтить многіе темные вопросы изъ исторіи древняго и интереснаго народнаго культа, называемаго шаманствомъ.

Здѣсь можетъ быть было-бы умѣстно попути изложить тѣ свѣдѣнія о шаманствѣ, которыя мнѣ удалось собрать въ разныхъ мѣстахъ Минусинскаго округа, но наиболѣе интересное изъ этого было передано уже мною на страницахъ повременныхъ сибирскихъ изданій и повторять ихъ нѣтъ необходимости. Сообщу здѣсь только легенду о томъ, кто былъ первый камъ, слышанную мною на р. Матурѣ, въ Нижне-Матурскомъ улусѣ Кузнецкаго округа. Обитатели этого улуса, какъ и всѣхъ инородческихъ поселеній по Матуру, Кулялѣ и Могазы, лѣтъ сто тому назадъ переселились съ Мрассы. Слѣдовательно это легенда Черневыхъ татаръ, но не Абаканскихъ. У послѣднихъ я не слыхалъ ничего подобнаго

„Жили мужъ съ женой въ лѣсу. У нихъ было двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка. Начался въ этомъ мѣстѣ голодъ, ѣсть стало нечего. Старикъ и старуха ушли въ другое мѣсто, а дѣтей оставили. Думали, что они помрутъ. Прошло много времени, вдругъ старикъ и старуха видятъ, что идетъ мальчикъ по улусу, гдѣ они жили, держитъ въ рукахъ двѣ палочки и шаманитъ. Одному человѣку онъ сказалъ, куда убѣжала его лошадь, другого вылѣчилъ. Около мальчика собрался народъ. Мальчикъ сказалъ: „Сдѣлайте мнѣ тюръ (бубенъ). Загните обичайку, вставьте марсу изъ березы, обтяните его кожей и я стану вамъ шаманить". Сдѣлали мальчику тюръ и къ нему слетѣла съ неба орба изъ заячьяго мѣха и начала колотить по бубну. И такъ всегда потомъ было, когда мальчикъ шаманилъ. Только ему было сказано, чтобы онъ не шаманилъ больше одного раза въ день. Разъ его позвали къ больному послѣ того, какъ онъ уже камлалъ Мальчикъ отказывался, но его очень просили и онъ взялъ бубенъ и пошелъ, но орба не прилетѣла къ нему. Тогда мальчику сдѣлали деревянную орбу, обтянули ее заячьимъ мѣхомъ, привѣсили къ ней чжаламу и онъ сталъ камлать съ ней, такъ какъ съ неба орба больше не слетала".

Это незамысловатое сказаніе сообщилъ мнѣ инородецъ Инстонъ Кызыргашевъ изъ Нижне-Матурскаго улуса.

Томскъ. *А. Клеменцъ.*
13 апрѣля 1889 года.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ШАМАНСТВА У ЯКУТОВЪ.

Причину всѣхъ бѣдствій, встрѣчаемыхъ человѣкомъ въ жизни, якуты приписываютъ злой волѣ различныхъ духовъ. Послѣдніе не всегда имѣютъ спеціальное названіе. Если якуту случится, напримѣръ, заболѣть утромъ золотухою, то никто не въ состояніи назвать по имени того злого духа, который является причиною болѣзни. Обыкновенно говорятъ при этомъ, что „человѣка чортъ (абасы) ѣстъ". Но для нѣкоторыхъ изъ такихъ злыхъ духовъ существуютъ и спеціальныя названія. Таковы, повидимому, догур, хапда и др. (Otto v. Böhtlingk, Ueber die Sprache der Jakuten. Wörterbuch 77).

Безразличными слѣдуетъ считать, согласно воззрѣніямъ якутовъ, такія существа, которыми одухотворяется природа и ея явленія. Лѣсъ, вода, огонь—все это имѣетъ своего духа, свою сущность (іччі), которая можетъ быть и видима человѣкомъ въ образѣ особаго вида существъ. Сюда слѣдуетъ отнести и домоваго (балаган іччітä), и богиню родовъ (аjысыт)

Свѣденія о духахъ, существованіе которыхъ признается религіозными воззрѣніями якутовъ, собраны г. Соловьевымъ въ его статьѣ „Остатки язычества у якутовъ" („Сборникъ газеты «Сибирь»), но свѣденія эти, повидимому, очень не точны и во всякомъ случаѣ, не систематизированы научно, да и вся статья написана совсѣмъ не въ духѣ серьезнаго научнаго безпристрастія.

Якуты вѣруютъ въ то, что избранные люди, шаманы, могутъ оказывать вліяніе на дѣятельность злыхъ духовъ и геніевъ,—на первыхъ въ смыслѣ парализованія ихъ злой воли, на вторыхъ въ смыслѣ усиленія ихъ доброй дѣятельности. Въ этомъ и состоитъ все значеніе шаманства (Дж. Лёббокъ, Начало цивилизаціи, Спб. 1876; „Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ", изд. подъ редакціей профессора Самоквасова, Варшава, 1874).

Геніевъ умилостивляетъ, впрочемъ, и каждый не посвященный въ таинство шаманства якутъ принесеніемъ жертвы; но тоже дѣйствіе со стороны шамана окружается спеціальною торжественностью, сопровождается пѣніемъ соотвѣтствующихъ стиховъ. Еще большею торжественностью и сложностью отличается шаманскій обрядъ, направленный къ тому,

чтобы парализовать дѣятельность злаго духа. Такой обрядъ обыкновенно состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I, опредѣленіе того злого духа, который въ данномъ случаѣ является причиною бѣдствія; II, вызовъ этого злого духа; III, подчиненіе его воли волѣ шамана или переселеніе его въ самого шамана и IV, гаданіе, имѣющее цѣлью опредѣлить результатъ, котораго можно ожидать отъ совершоннаго шаманомъ дѣйствія—обряда.

Не обладая нужною теоретическою подготовкою для разсмотрѣнія вопросовъ этой области и не будучи въ состояніи, поэтому, отнестись критически къ сообщаемому мною матеріалу, я рискую впасть въ какую-нибудь ошибку, допустить неточность перевода и т. д. Я напередъ принужденъ просить у моихъ ученыхъ читателей снисхожденія. Изслѣдователей якутской жизни слишкомъ мало, чтобы позволительно было стѣсняться своею узкою спеціальностью, и потому меня не особенно сильно стѣсняетъ соображеніе, что я, по спеціальности - юристъ, беру на себя смѣлость воспользоваться представившейся мнѣ возможностью—собрать и обнародовать кое-какіе матеріалы для изученія шаманства.

Транскрипція якутскаго текста—по Бётлингку.

Въ литературѣ существуетъ много описаній шаманскихъ дѣйствій; но всѣ эти описанія крайне поверхностны и обыкновенно проникнуты или грубой ироніей, или голымъ презрѣніемъ къ предмету. Наше описаніе, съ сохраненіемъ по возможности всѣхъ подлинныхъ оборотовъ шаманскихъ заклинаній, съ изображеніемъ всего обряда въ формѣ драматическаго дѣйствія, является въ литературѣ первымъ опытомъ этого рода [1]).

I.

Молодой человѣкъ, Сіäнчä, пріѣхавши на побывку къ своему тестю, который живетъ въ $1^1/_2$ в. отъ моего дома, пригласилъ шамана Сімäн'а (рус. имя Симонъ) принести жертву и вызвать благословеніе со стороны барылах'а (онъже баjанаі). Это—духъ, покровительствующій охотникамъ и рыболовамъ. O. v. Böhtlingk говоритъ слѣдующее о словѣ баjанаі: „der Schutzgeist der Jäger und Fischer. Wohl von баі,

---

[1]) Послѣ образцовъ камланья у алтайцевъ, данныхъ г. Радловымъ въ книгѣ «Aus Sibirien». Ред.

Reichthum (also бајанаі) mit demselben Affix scheint der von M. erwähnte Kobold сырыијäі, vofür ich сiрäнäі (von сiр) lesen möchte, gebildet zu sein". Сiäнчä—промышленникъ, часто скитается по лѣсу въ поискахъ за лосями, лисицами, бѣлками и т. д. Живетъ онъ у Алдана, въ Алданскомъ наслѣгѣ Ботурусскаго улуса, а тесть его по рѣкѣ Таттѣ, впадающей въ Алданъ.—Барылах'а (или бајанаі'я) якуты представляютъ въ видѣ звѣря, величиною съ большаго годовалаго теленка; ноги у него двукопытныя, какъ у коровы, голова—собачья, глаза до чрезвычайности маленькія и длинныя отвислыя уши; шерсть на немъ сѣдо-сѣрая. Въ такомъ видѣ его и встрѣчаютъ охотники въ лѣсу и даже бабы, собирающія ягоды. . . . .

Дѣйствіе происходило въ ночь съ 8-го на 9-е февраля 1890 г. Предварительно было сдѣлано изображеніе барылах'а. Это простой обрубокъ дерева вершка три шириною и немного меньше аршина длиною. На этомъ обрубкѣ грубо рисуется углемъ изображеніе человѣческаго лица. Кромѣ этого приготовляется iäпсä (подушка отъ сѣдла): въ разщепъ толстой талины вставляется до 20, одинъ за другимъ таловыхъ-же прутьевъ и тальникомъ-же разщепленная вершина толстаго тальника. Сказанныя двѣ вещи приставляются къ выходной двери такъ, что рожа барылах'а обращена внутрь помѣщенія.

Огонь на каминѣ пылаетъ. Три молодыхъ парня держатъ въ правой рукѣ по три зажженныхъ лучины, шаманъ также, всѣ четверо называютъ женскія шапки (весьма недавно сдѣлавшіяся исключительно женскимъ головнымъ уборомъ: кое гдѣ можно и до сихъ поръ встрѣтить стариковъ, которые продолжаютъ носить женскія шапки). Шаманъ окуриваетъ дымомъ своихъ лучинъ 3-хъ парней, которые стоятъ, оборотившись лицемъ къ огню. Послѣ этого всѣ четверо бросаютъ свои лучины, куда попало, и парни смѣшиваются съ толпою.

Шаманъ

(сидитъ на табуреткѣ лицемъ къ рожѣ барылаха, т. е. къ выходнымъ дверямъ и держитъ въ правой рукѣ стрѣлу).

Барылахъ моего богатаго лѣса;	Баі тыам барылага,
Господинъ мой дѣдушка,	Тојон äсäкäм,
Ну—ка!	Чä äрä!
Засмѣйся! ..	Міцік аллаі!...

Дѣвушки странъ тальника	Ыарга кыргытара.
Любятъ отдаваться мужчинамъ;	Кыныгас буолаллар;
Женщины странъ тальника	Талах цахталлара
Любятъ миловаться съ мужчинами;	Тантап'а*н* буолаллар;
Люди земляныхъ горъ	Буор хаја цопо
Любятъ цѣловаться:	Урагас буолаллар:
Подобно дѣтямъ (мелкихъ) лѣсовъ	Ојур оголорун курдук
Не будь, смотри, баловникомъ,	Мäнiк буолаја*н*гыі,
Господинъ мой дѣдушка!	Тојон äсäкäм!
Мой промыселъ оскудѣлъ:	Бултур бултум тохтото:
Если-бы ты не далъ ему оскудѣть,—	Тохтонот буолаххына,—
Было-бы хорошо!	Ӱчӱгäі буолуо äта!
Темный море-лѣсъ мой,	Бајагал хара тыам,
Черно-шерстный мой лось	Хара тӱ̈äх тајагым
Натянутую мною стрѣлу	Тардан кабiенiт ајабар
Обходить началъ....	Тарыiбат болла....
Господинъ мой дѣдушка,	Тојон асäкам,
Самъ ты (это) знаешь!	Баја*н* бiлäгiн!

(Отъ имени барылах'а):

Хараххан[1]), какъ тебя зовутъ?	Хараххан, аты*н* кiмiј?

Сïанчä.

Меня зовутъ Сенчей.	Сiанчäбiн!

Шаманъ.

(Не перев.; «хоринскія», монгольск. слова)	Ам цам н'ахсыт!

(Уходитъ на дворъ, предупреждая, что если кто постучится снаружи, то это будетъ барыллахъ. Черезъ нѣкоторое время раздастся на дворѣ стукъ, чтобы отворили дверь. Присутствующіе выходятъ, кто—съ лучиною, кто безъ нея. Дверь отворяютъ, какъ при вступленіи въ домъ невѣсты. Входитъ шаманъ и, разыгрывая рѣчь барыллаха, смѣется, хихикаетъ. Вошедши, садится на землю по правую руку камина и говоритъ отъ имени разыгрываемаго духа).

---

[1]) Сказочное существо. Но почему съ такимъ воззваніемъ обращается здѣсь шаманъ къ Сенчѣ,—я не знаю.

26 Подайте мнѣ мою милашку, моего пріятеля!	Сычыбын догорбун агалын!

(Шаману подаютъ изображеніе барыллаха и Іанса. Онъ обнюхиваетъ то и другое, ласкаетъ. Затѣмъ приказываетъ поставить оба предмета къ столбу, что въ переднемъ углу, подъ иконами. На Іанса ставятъ чашку съ саламатой. Въ огонь бросаютъ, въ серединѣ камина, масло.

На утро саламату съѣдаетъ хозяинъ дома, гдѣ происходило дѣйствіе. Изображеніе барыллаха и Іанса относятъ въ лѣсъ: первое приставляютъ къ дереву, а второе кладутъ на землю)

Конецъ.

Надо замѣтить, что барыллаха якуты представляютъ себѣ постоянно хихикающимъ и любящимъ вообще смѣхъ. Поэтому, завидѣвши лося, убитаго настороженною стрѣлою, охотникъ тотчасъ-же старается завоевать себѣ и на будущее время расположеніе барыллаха и для того смѣется, подходя къ убитому звѣрю.

II.

Якутъ Тосуја, въ крещеніи Иванъ, за послѣдніе годы сильно обѣднѣлъ. Чтобы помочь горю, онъ призвалъ того-же шамана Сімäн'а и заставилъ его (за плату, конечно; шаманы смотрятъ на свое призваніе, какъ на важный источникъ доходовъ) произвести соотвѣтствующее дѣйствіе.

АКТЪ 1-й

(въ ночь съ 7 на 8 фев. 1890 г.).

(Огонь на каминѣ пылаетъ. Шаманъ сидитъ на шкурѣ, служащей подстилкою для спанья, оборотившись лицомъ къ огню и держа въ рукѣ веревку, ссученную изъ конской гривы).

Шаманъ.

Чтобы я былъ въ состояніи расширить загаженный пригонъ для скота,	Ы̄лах тіäргäні кіäннатäрібін,
Чтобы я былъ въ состояніи вновь поставить свалившуюся изгородь,	Іннäстібіт бутäјі турорарыбын,

(Объ этомъ) у своего страшнаго повелителя съ юга	Согуру бӧгӧ тојоммуттан
Я прошу, воистину прошу!..	Кӧрдӧсӧрім кірцік!...
Положеніе вещей въ природѣ	Ап доіду отуп масын' іччітін
Измѣняя,	Ӓргітӓммін,
Я творю,—во истину творю!	Оносторум кірцік!
Умоляя (выпрашивая),	Кӧрдӧсӧммӱп
Я сижу—заклинаю (славословлю?)...	Туоја олоробун ...
Каково будетъ рѣшеніе,	Хаітах бысы буолоі,
Южное страшилище?..	Согуру бӧгӧ уола?...
Я прошу, воистину прошу!..	Кӧрдосоім кірцік!...
Чтобы я имѣлъ возможность удлинить пропитанный (скотскимъ) потомъ хлѣвъ,	Холонсолох хотон усатарыбын,
Чтобы я имѣлъ возможность удлинить короткія ясли;	Кылгас долбуругу усатарыбын,
Чтобы я имѣлъ возможность привести къ себѣ черную корову—такую, у которой будетъ множество подругъ,	Ханылах хара ынахпын агаларыбын,
Чтобы я имѣлъ возможность увеличить число бѣлыхъ (коровъ),—	Ӱргӱк ӱрӱнӱ ӱхсӱтарібін,—
Объ этомъ молю, во истину молю!....	Кӧрдӧсӧрім кірцік!...
Въ виду того, что слишкомъ мало пестрыхъ (коровъ),	Іацӓгаі аріан кӓмчітін ісіп,
Расчитывая, что можетъ быть, госпожа моя, мать прибавитъ,	Хотун іјам ӓбӓрӓі діӓммін,
Я (это) сижу—говорю, воистину говорю!..	Ӓта олорорум кірцік!...
Въ виду того, что мало пестрыхъ (коровъ),	Салбырагс сацагаі агыјагын ісіп,
Я хочу дать имъ побольше товарокъ.	Ханылыахпын багарабын.

(Отъ имени духа Уранхаі'я).

Старикъ Чомпорой! [1])	Чомпороі огоццʼор!
Быстрый Урангхай	Уранхаі алах
Возвращаетъ (къ себѣ) то, что рожаетъ.	Тöрурун тöнnöрöр.
Рождаемыя имъ дѣти слабы.	Тöрöтöр оголоро мöltöх.
Онъ уменьшаетъ богатство,	Бајы агыјатар,
Уничтожаетъ то, что есть,	Бары баратар,
Порожденное возвращаетъ (себѣ),	Тöруру тöнnöрöр,
Взростающему не даетъ взрости.	Уöскуру уöскунnäт.
Тому, что порождено и растетъ;	Уöскур тöрурун
Глаза (владѣльца) вверхъ	Харагын уöса
Подымать недопускаетъ (отъ печали).	Кöрдöрбöт
„Есть у старика дѣти, нечего сказать“,—	„Оголордох огонн'ор буоллага!“
(Такъ) станутъ говорить люди между собою	Діäхтäрä усу.

(Отъ имени духа-женщины Ijäхсіт).

Іехситъ—старушка	Ijäхсіт äмäхсін
Черезъ своего сына, шамана,	Ојун уолунан
Передаетъ:	Ицітір:
Этимъ старикомъ	Маннык бысылах огонн'ор
Воспитываемый скотъ	Ітäр суöсутун
Я расположена уменьшать.	Агыјатарга сананабын.
Дѣтей, которыхъ	Тöрöтöр оготун
Взращивать я не желаю.	Уöскäтіäхпін багарбапын.

(Отъ своего имени).

Съ восьмидесяти сторонъ ограниченной,	Агыс уон і lах сагалах

[1]) Духъ обращается къ отцу Тосун.

Выражающей недовольство (въ случаяхъ неполученія жертвы)	Атаннах мӱ^{о}ҥанах
Весенне—радостной	Аігыр сіlік
Моей матери природы	Ан ıjä доідум отум масым
Духа	Іччітін
Я вызываю (заставляю встать),—	Кӱ^{о}р^{а}тарібін,—
Заклинаю—сижу, воистину заклинаю!!...	Туоја олорорум кірціk!!...
Южное страшилище!	Согуру бӧ^{г}ӧ уола!
Нечего тебѣ смотрѣть такъ грозно!...	Хараххын аргыі к^{ö}р!...

(Встаетъ, обращаясь къ шкурѣ, на которой сидѣлъ).

Мѣсто, на которомъ я лежалъ, смердитъ,	Сынныт сірім сыҥсар,
Мѣсто, на которомъ я сидѣлъ, засижено.	Олорбут сір холхоҥ'ох.
Впередъ!	Уосат!

(Помахиваетъ веревочкой).

Гей, небеса!	Хыі, халлан!

(Огонь въ каминѣ загребается. Въ разбитый горшокъ кладутъ пылающіе угли, масло и конскій волосъ и ставятъ его по срединѣ хлѣва, какъ приманку для злыхъ духовъ).

Присутствующіе.

Явитесь!... явитесь!...	Ка̄jäріҥ!... ка̄jäріҥ!...

(Присутствующіе обращаются лицомъ къ югу, къ выходнымъ дверямъ, а шаманъ,—стоя у двери, къ сѣверу т. е. въ ту сторону, гдѣ часть помѣщенія занята хлѣвомъ, такъ что публика и шаманъ стоятъ лицомъ къ лицу. Изъ хлѣва несется чадъ и слышится трескъ горящаго волоса и шипѣніе масла на угляхъ: это доказываетъ, что злой духъ пришелъ на приманку и ѣстъ. Тогда шаманъ пролазитъ между ногъ кого-нибудь изъ присутствующихъ, крадется по стѣнѣ, подкрадывается къ чорту, шаритъ руками около себя и схватываетъ горшокъ, не смущаясь тѣмъ, что послѣдній, конечно,

успѣлъ накалиться. Духъ, такимъ образомъ, пойманъ и переселенъ въ шамана; но это обходится шаману дорого: онъ обмираетъ на мѣстѣ. Два человѣка перехватываютъ шамана поперекъ веревкой и приволакиваютъ въ жилую часть помѣщенія; но шаманъ теперь уже, видимо присутствуя на землѣ, въ дѣйствительности находится въ сторонѣ злыхъ духовъ. Огонь разводится вновь на каминѣ. Шамана усаживаютъ по лѣвую сторону юрты (хаҥас діакі), около камина).

Шаманъ (отъ имени духа „хаҥас діаккі амäхсін"— „старуха лѣвой стороны юрты").

Телятъ, которые у васъ родятся	Тöрÿр томыјаххытын
Я буду пожирать!	Сіагам!

Тосуја.

Полно!.. Грѣхъ, скверно!...	Кäбіс!.. Ају, кäјі!...
Говори по-человѣчески!	Кісілі кäпсіä!
По-якутски заговори!	Сахалы саҥар!
Фуй, скверно!	Нахаі—чахаі!

Шаманъ (по прежнему).

Если съ тремя бѣлыми полосками въ хвостѣ	Кутуругар ÿс ÿрÿҥнах
На лбу съ бѣлымъ пятномъ	Туора туогахталах
Черную скотину	Хара сÿöсÿнÿ
Ты мнѣ принесешь въ подарокъ,	Баlах біäрäр буоллаххына,—
Тогда шаманъ	Ојун уолун
Обратно въ этотъ домъ	Ціälах тојонго
Благополучно прибудетъ.	Ÿчÿгäідік äркірäн тіјäгä...
Такого именно вида скотину	Дÿсÿннах сÿöсÿнÿ
Если мнѣ подаришь,—	Баlахтір буоллаххына,—
Вотъ что я говорю...	Ол ісін äтäбін...

Тосуја.

Такого вида скотины	Дÿсÿннах сÿöсÿ
У меня нѣтъ.	Міахä суох.
Около 50 штукъ скота у меня было:	Біäс уонча сÿöсÿlах äтім:

Въ теченіи 4 лѣтъ	Тӱӧрт цыл ісігар
Ты извела.	Барапытын.
Послѣ этого,—	Бу каннa,—
Съ какой стати ты отъ меня	Того мijiгiттäн
Скотину въ подарокъ	Сӱӧсӱ бäлäх
Желаешь получить?	Ылыаххын багарагын?
Безбожница, лѣшій[1])!	Улу кiсi, iläсäi!
Гдѣ твое мѣстопребываніе,—	Ханна доiдулаххын,—
Туда и отправляйся!	Бара тур!
Меня не трогай!	Мijiгiн тытыма!

(Въ юртѣ закапываютъ въ земляной полъ горшокъ съ пищею черта,—это значитъ „кусаган абасыны кiäр гыпаллар". т. е прогоняютъ прочь сквернаго (злого) духа.

Шаманъ свою миссію выполнилъ. Ему остается вернуться въ нашъ міръ изъ странъ чертей и путемъ гаданія обнаружить результатъ, котораго можно ожидать отъ сегодняшняго дѣйствія.

Шаманъ

(поетъ, прыгая и помахивая веревочкой, которая служитъ ему конемъ: это—не такой шаманъ, у котораго конь—бубенъ. Въ это время Тосуjа выбиваетъ огонь огнивомъ изъ кремня).

Кюндель! хандалъ!	Кӱндäl! хандалъ!
Кыгыръ! хагыръ!	Кыгыр, хагыр!
Кынгылыкъ, хангылыкъ!	Кынылык, ханылык!
Кыкыръ, чыхыръ!	Кыкыр, чыхыр!

Присутствующіе

(помогая шаману оріентироваться вновь на землѣ).

Вотъ (нашъ) очагъ!	Осох бу бар!

Шаманъ

(оборачиваясь къ печкѣ).

Очагъ (баjал[2])!	Осох баjал!
Очагъ (ботур[3])!	Осох ботур!...

[1]) Въ подлинникѣ здѣсь употреблено исковерканное русское слово «лѣшій», но, конечно, не въ смыслѣ спеціальнаго названія для лѣснаго духа, а какъ ругательное слово, значеніе котораго для якутовъ темно.

[2]) и [3]) Непереводимыя, может быть, монгольскія слова.

Дайте покурить[1])!	Хатан тамыја!...
Здорово, солнце!	Күн кіарагаі!
Родина, — наконецъ-то мы встрѣтились!	Ан доідум,—ата көрүстахпіт!
Дьявольская страна у этого чорта—	Бу абасы үöдäн сірä
Какъ будто конецъ[2]) торго,	Кöнöс торго курдук,
Человѣку очень легко заблудиться,	Кісі мунарын курдук,
Томонъ имэнъ (присказка) поле,	Томон, іман толон,
А цвѣтомъ--будто синій дымъ.	Дүсүннах--күöх буро курдук;
(Не смотря на простоту этой фразы, я затруднился ее перевесть)	Доідулах äбіт абасы сірä!
Насѣкомыя	Үöвпäрä күрцүгäläрä
Совсѣмъ не даютъ человѣку возможности существовать!	Кісіні тулуппаттар,
Съѣсть хотятъ!	Сіäрі гыналлар.
Насилу[3]) въ пути своемъ,	Нöсіlä ајаннан,
Люди подсолнечной,	Күн цонпорум,
Слѣдую!	Іеäбін!

(Садится на подставленную табуретку. Отдохнувши, приказываетъ принести огню жертву: бросить масла въ середину огня на каминѣ. Дѣлаетъ это онъ отъ радости, что возвратился въ подсолнечную).

О, боже мой, друзья!	Атыгар, оголор!
Въ страну моего солнца	Күнүм сірігäр,
Не имѣя бубна,	Бу дүнүра суох буоламмын
При помощи простой (въ подлинникѣ черной) веревочки,	Хара торгунан
(Посмотрите)—ѣду съ какими трудностями (для себя).	Калäн араідäпäн істахпын

---

[1]) Шаманъ говоритъ эти слова на «чертовскомъ» нарѣчіи, или на «хоринскомъ», т. е. по просту, вѣроятно, по-монгольски.

[2]) и [3]) Въ подлинникѣ тѣже русскія слова, но исковерканныя.

Если-бы у меня былъ бубенъ,	Дӱҥӱрдāх буоллахпына,
Я бы скорѣе ѣхалъ.	Тургäнік ајанылагым ата.
Одежду изъ конскихъ и коровьихъ. шкуръ	Сылгы ынах таҥасын
Заставили меня надѣть,—	Таҥнараннар,—
Что за тяжесть,	Ыарахала діäн,
Трудности ужасныя!	Äрäјä сӱрдäх!
При помощи веревочки въ два аршина[1])	Іккі ассын тöргӱпäп.
Я долженъ былъ справляться,	Сордоннум,
На трехъ[2]) своихъ колѣнкахъ,	Ӱс сӱ гӱöхпӱпан
Мучаясь, ѣду.	Мölкӱјäн істäхпін

(Садится отдохнуть. Послѣ паузы встаетъ и продолжаетъ, держа въ рукѣ ложку).

(Затрудняюсь перевесть).	Ыралах ытыс ыјадаччі кöтöгöммӱн Ыар (ыр?) маган тускум!
На счастливую сторону ложка	Тölкölöх тӱöрäх
Перевернись-ка!	Тöгӱрӱі äрä!
Въ будущемъ году	Апы соскы цылга
На всѣ четыре ноги бѣлоногій	Тӱöрт атагы (атах?) ӱрӱҥпах
Теленокъ	Томыјагы
У этого дяди—Тосуја—	Бу Тосујага огонн'орго—
На правомъ боку съ бѣлымъ пятномъ	Уҥа кымнылыах діäккі ӱрӱҥнāх
У этого Тосуи, такого вида—	Бу Тосујага маннык дӱсӱнāх
Теленокъ родится отъ его коровы.	Томыјах тöрӱöтä ынагыттан.
Этотъ теленокъ	Ōл томыјах
Въ тридцать скотинъ	Отут сӱöсӱ
Превратится (путемъ распложенія).	Буолан турӱога.

---

[1]) Въ подлинникѣ исковерканное русское слово «аршинъ».

[2]) На трехъ, а не на двухъ—это требованіе якутскаго стиха.

Счастливо (для Тосуи	Tölkölöx
(Тöн—неперевод.) ложка	Тöн тӱöрäх
Упади!!	Тӱс!!

(Бросаетъ ложку въ сторону Тосуја).

Тосуја.

Подай (даруй)!!..	Уруі!!...

(Ложка падаетъ къ ногамъ Тосуја донышкомъ книзу: результатъ гаданія благопріятный).

Даровалъ!	Біардa!

Конецъ 1-го акта.

Второй актъ былъ назначенъ па слѣдующую-же ночь, но сеансъ не состоялся и дѣйствіе было отложено на весну.

Ни Урангхая, ни «ханос діäккі äмäхсін» никто не видитъ, кромѣ шамановъ. Іехситъ иногда является въ видѣ старухи и появленіе ея всегда предвѣщаетъ несчастіе, по преимуществу раззореніе, уничтоженіе матеріальнаго благополучія. Іехситъ старше «ханас діäккі äмäхсін», а Уранхай, кажется, старше Іехсити.

Николай Виташевскій.

20-го февраля 1890 г.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ О ЯКУТАХЪ[1]).

Особыхъ сказаній о божествахъ *Сяття-кюрё-джюсягяй-аи* не существуетъ[2]); они извѣстны, какъ свита верховнаго божества Аи-тоёна. Кюре-джюсягяй считаются покровителями лошадей, а потому на *ысэхахъ* (весеннихъ праздникахъ якутовъ) изъ жертвенной стопы возливаютъ на огонь кумысъ въ честь этихъ божествъ; при этомъ произносятъ умилостивительныя слова.

Сяркянь-Сясянь по повѣрью якутовъ живетъ въ лѣсу; подъ старымъ пнемъ у него юрта; самъ онъ очень маленькаго роста, такъ что онъ шкурой одной бѣлки вполнѣ одѣвается; глаза у него очень острые, борода длинная, доходитъ

[1]) Статья эта составлена изъ отвѣтовъ на вопросы, которые въ письмѣ были предложены автору.

[2]) Сяття „семь“.

до пояса; вооруженъ маленькимъ желѣзнымъ молотомъ, которымъ онъ убиваетъ сильныхъ богатырей, чѣмъ-нибудь его прогнѣвившихъ. Отличительная черта его заключается въ томъ, что онъ знаетъ все, что дѣлается на свѣтѣ, кого какая судьба постигнетъ; онъ знаетъ дороги во всѣ страны свѣта, и знаетъ кто тамъ живетъ.

У якутовъ Якутскаго округа существовалъ обычай убивать стариковъ, не ожидая ихъ естественной смерти. Обычай этотъ исполнялся ими, какъ долгъ передъ родителями или вызывался суровой необходимостью. По этому поводу существуютъ слѣдующіе разсказы. Зимою пастухъ (сылгысытъ), замѣтивъ на бугрѣ дымъ, отправился туда и увидѣлъ около глубокой ямы разведенный огонь и мясо, варившееся въ котлѣ, а добрая старуха весело хлопотала у огня и облизывала ложку, которой поворачивала мясо въ котлѣ. Когда пастухъ спросилъ ее, что она здѣсь работаетъ, она сказала: „У меня двое сыновей, которые нынѣ хотятъ меня почтить; яму уже выкопали, а затѣмъ отправились исправить мнѣ гробницу". Оказалось, что старуха сама себѣ приготовляла тризну.

Легендарный обжора якутовъ *Нягябилъ* въ одну ночь заставлялъ доить свою корову до семи разъ для того, чтобы пить молоко, а когда его сыновья ставили сѣти на рыбу, то онъ держалъ за одинъ конецъ сѣтей и, какъ только попавшая рыба начинала дергать ихъ, онъ вытаскивалъ сѣть и пойманную рыбу отправлялъ въ ротъ. Сыновья его (ихъ было трое), доведенные его обжорствомъ до крайности, рѣшились убить его; для этого они сманили его въ лѣсъ, гдѣ была выкопана яма; около нея они накормили его мясомъ и толкнули, но онъ былъ настолько бодръ, что перескочилъ на другую сторону ямы. Тогда сыновья его натянули луки и пустили въ него стрѣлы. Стрѣлы старшаго и младшаго сыновей онъ ловилъ руками и они ему никакой боли не причиняли, а стрѣла средняго сына попала ему прямо въ сердце и онъ сказалъ: „О, это стрѣла моего средняго сына! У тебя сильная и мѣткая рука и ты будешь „лучшимъ человѣкомъ" (бярть-киси)!

Кромѣ обычая убивать стариковъ былъ также обычай убивать и дѣтей. Бѣдныя семейства, обремененныя многочисленной семьей, новорожденныхъ дѣтей вѣшали на деревьяхъ въ турсукахъ. Обычай этотъ, какъ вызванный необходимостью,

ни кѣмъ не преслѣдовался. Оба эти обычая прекратились со введеніемъ христіанства и отъ преслѣдованія ихъ русской администраціей.

Передпія ноги у животныхъ считаются лучшимъ кускомъ, такъ какъ на немъ много жиру, до котораго якуты большіе охотники. Почетному гостю подаются лучшіе куски, середка и мясо около хвоста задней ноги; чѣмъ больше и жирнѣе его наварятъ, тѣмъ болѣе будетъ оказано уваженія къ гостю; поэтому для почетнаго гостя варится не менѣе 5 фунтовъ мяса; остатокъ обѣда гость по обычаю завертываетъ въ сѣно и увозитъ домой.

Бѣлогубыхъ лошадей съ бѣлыми глазами даруетъ небесный демонъ *Улу-тоёнъ.*

Существуетъ повѣрье, что медвѣдь былъ прежде человѣкъ, а за что онъ обращенъ въ звѣря, никто не знаетъ. Медвѣдь знаетъ, кто его ругаетъ и преслѣдуетъ такихъ людей; при этомъ онъ справедливъ. Женщина не должна держать въ рукахъ медвѣжье мясо и ѣсть его, иначе пропадетъ молоко у коровъ, которыхъ она доитъ.

У якутовъ каждый наслегъ дѣлится на 3—5 родовъ, *уга-уса,* а рода на поколѣнія, *ӡя-уса;* каждый изъ нихъ имѣетъ свой кличъ.

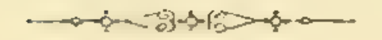
При сотвореніи земли у Бога матеріала было очень мало и онъ кое-какъ сдѣлалъ землю, которая сначала представляла гладкую поверхность, лишенную горъ и бугровъ. Дьяволъ, видя, что Богъ бережетъ матеріалъ, ухитрился украсть кусокъ его и спряталъ во рту. Такъ какъ украденый кусокъ имѣлъ, по благословенію Божьему, свойство увеличиваться, то онъ скоро во рту дьявола сталъ не помѣщаться и дьяволъ сталъ выплевывать его на поверхность земли и вотъ отъ этого образовались горы и бугры.

До принятія христіанства якутъ присягалъ слѣдующимъ образомъ. Онъ садился верхомъ на черепѣ медвѣдя предъ пылающимъ очагомъ, возливалъ масло на огонь черезъ дыру, въ которую кузнецы вбиваютъ головки желѣзныхъ гвоздей, говорилъ свои заклинанія, а остатокъ масла въ одинъ глотокъ выпивалъ самъ со словами: ,,Если я показалъ не правду, то пусть масло это превратится въ ядъ и сгніетъ моя внутренность, а въ противномъ случаѣ это пусть обратится на тѣхъ, кто мнѣ не вѣрилъ“!

Когда воръ зарѣжетъ скотину, то якутъ дѣлаетъ болвана; окуривая его остаткомъ мяса зарѣзанной скотины, онъ спрашиваетъ у болвана: „Кто укралъ и зарѣзалъ мою скотину“? При этомъ онъ называетъ всѣхъ имъ подозрѣваемыхъ воровъ. Говорятъ, когда онъ удачно назоветъ вора, то болванъ кланяется; въ это время его колятъ или рѣжутъ. Якуты вѣрятъ, что воръ непремѣнно долженъ умереть, заболѣвъ тѣмъ мѣстомъ, по которому былъ нанесенъ ударъ болвану. Обрядъ этотъ называется „*кяяринъ* на вора“.

Н. Приплузовъ.

20 іюня 1890 г.
Якутскъ

Объясненiе рисунковъ.

Къ статьѣ о. Затоплаева: «Нѣкоторыя повѣрья аларскихъ бурятъ».

Таблица I.

Онгонъ Зуруктанъ (см. стр. 9).

Къ статьѣ г. Клеменца: «Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинскихъ инородцевъ».

Таблицы 1—9.

Объясненiе см. стр. 25.

Къ ст. о. Затопляева „Зуруктанъ-онгонъ“. Табл. I.

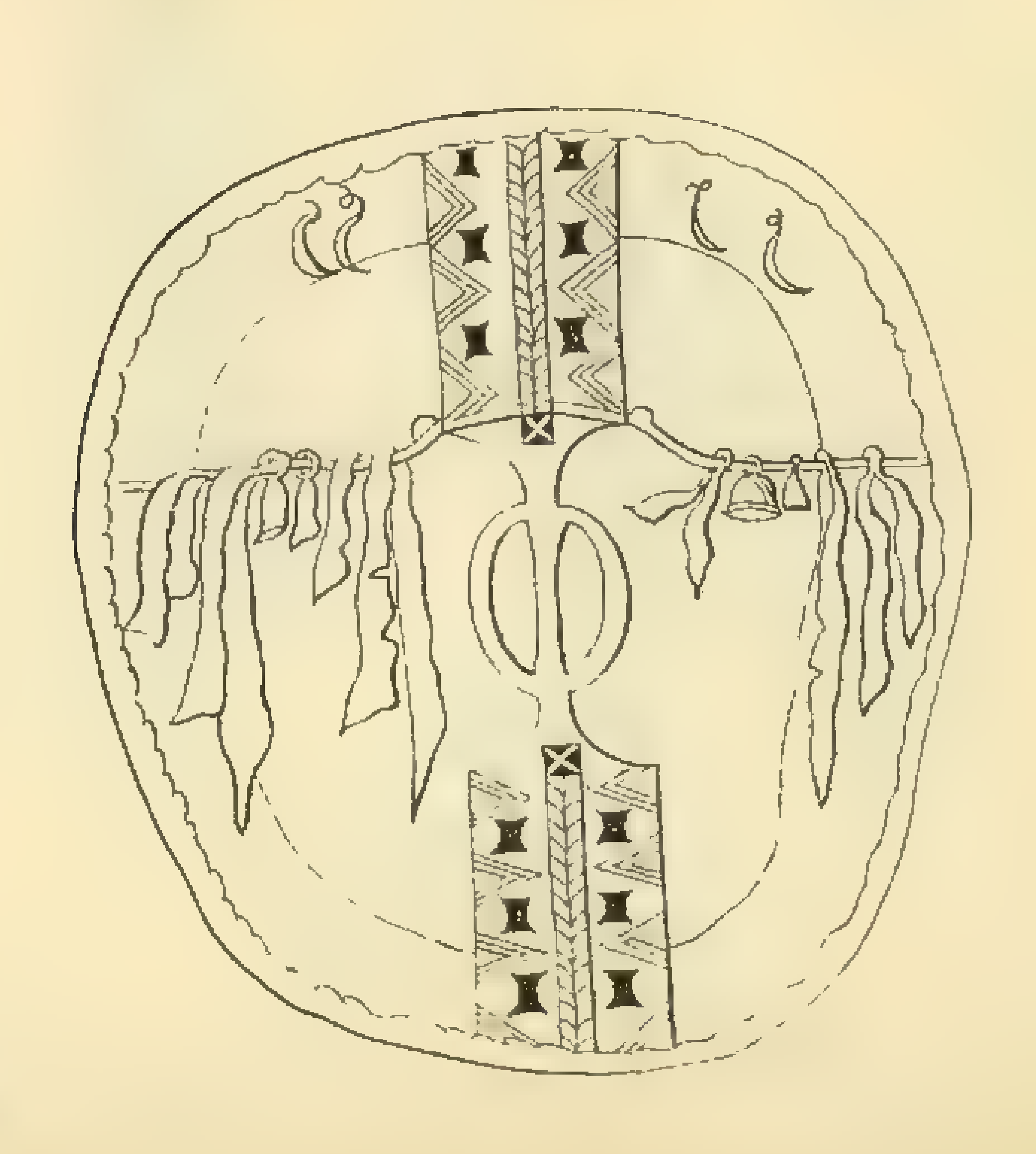
Къ ст. г. Клеменца: «Образцы бубновъ.»

№ 1

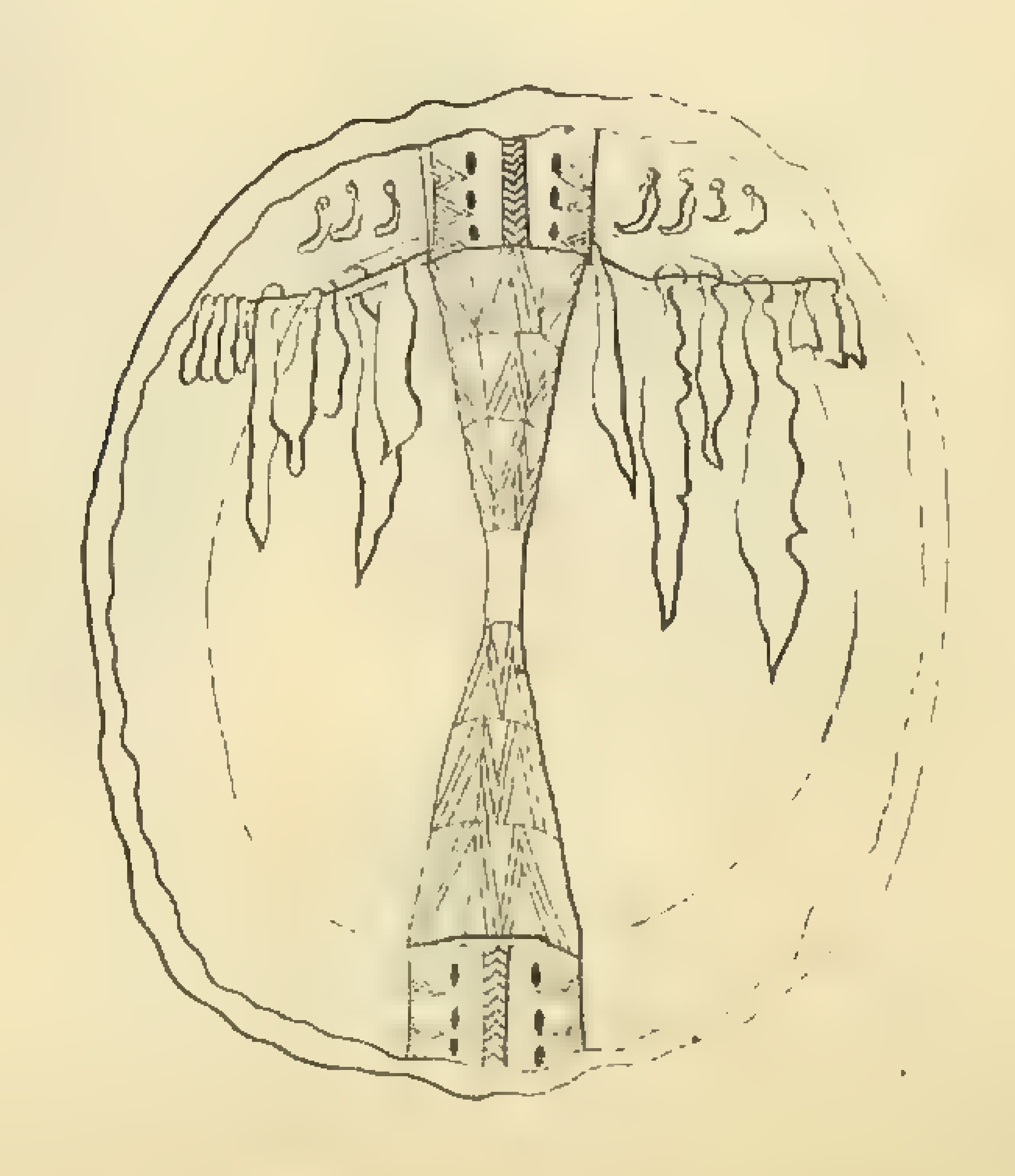
№2

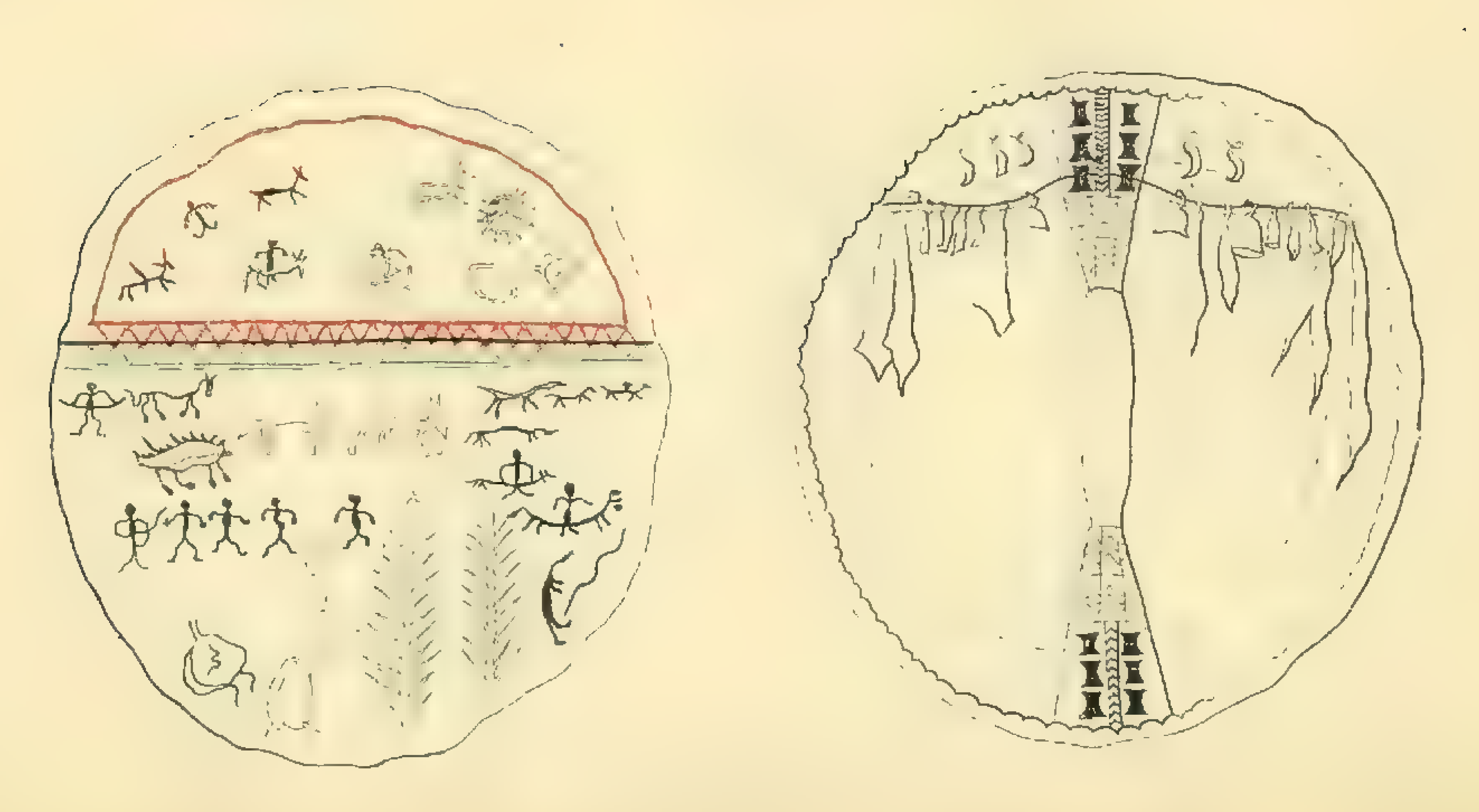
№ 3

Къ ст. г. Клеменца: «Образцы бубновъ».

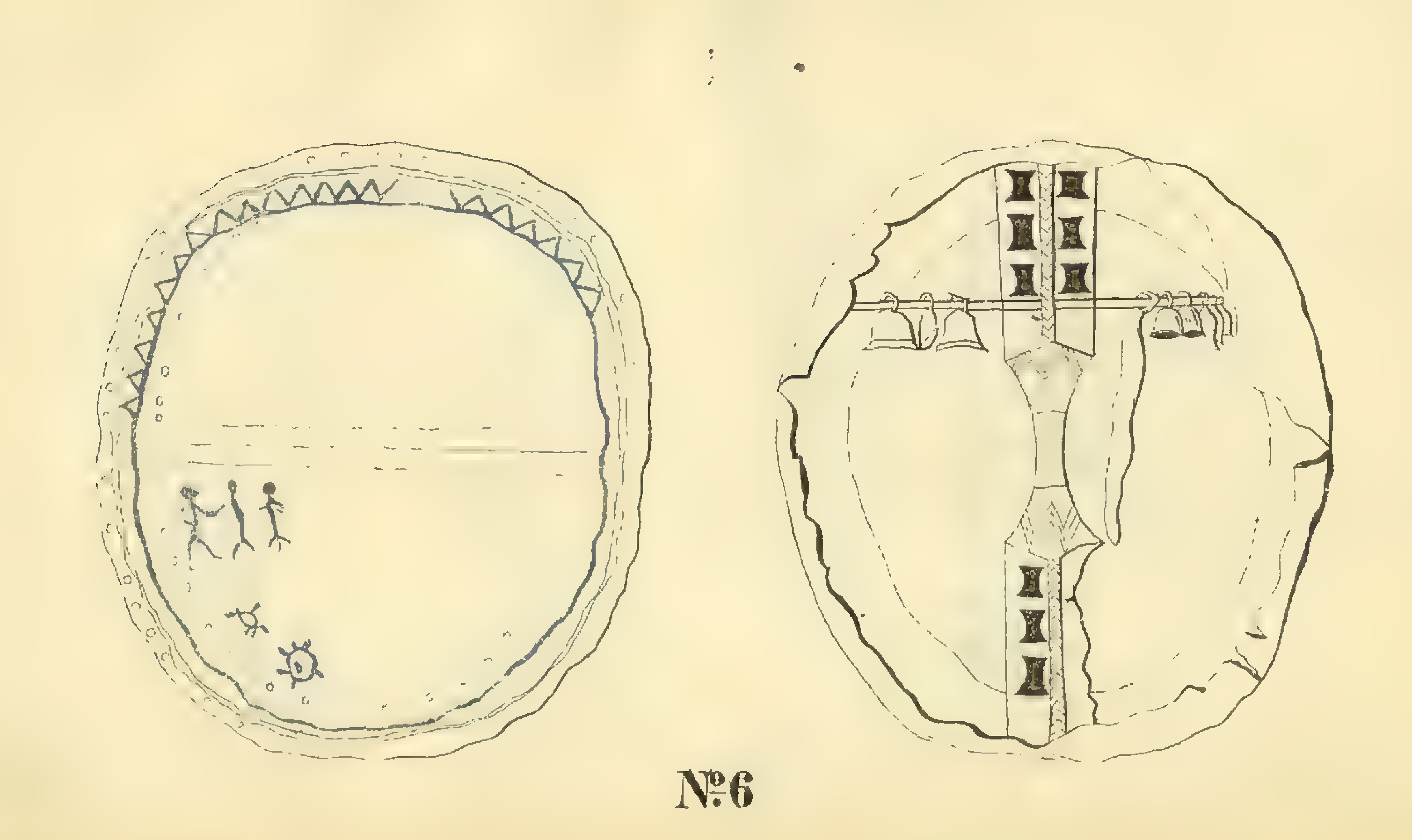

№ 1

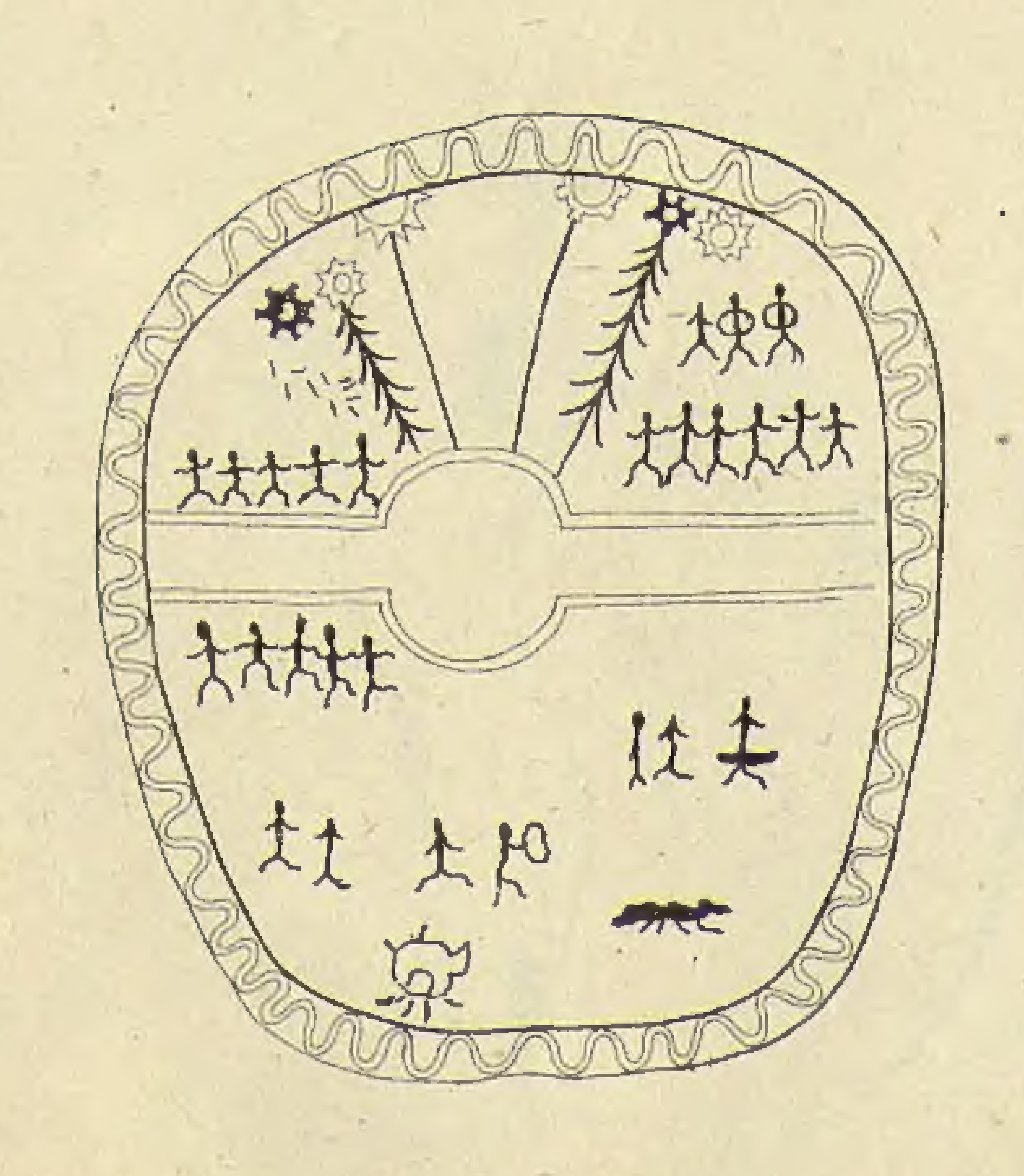

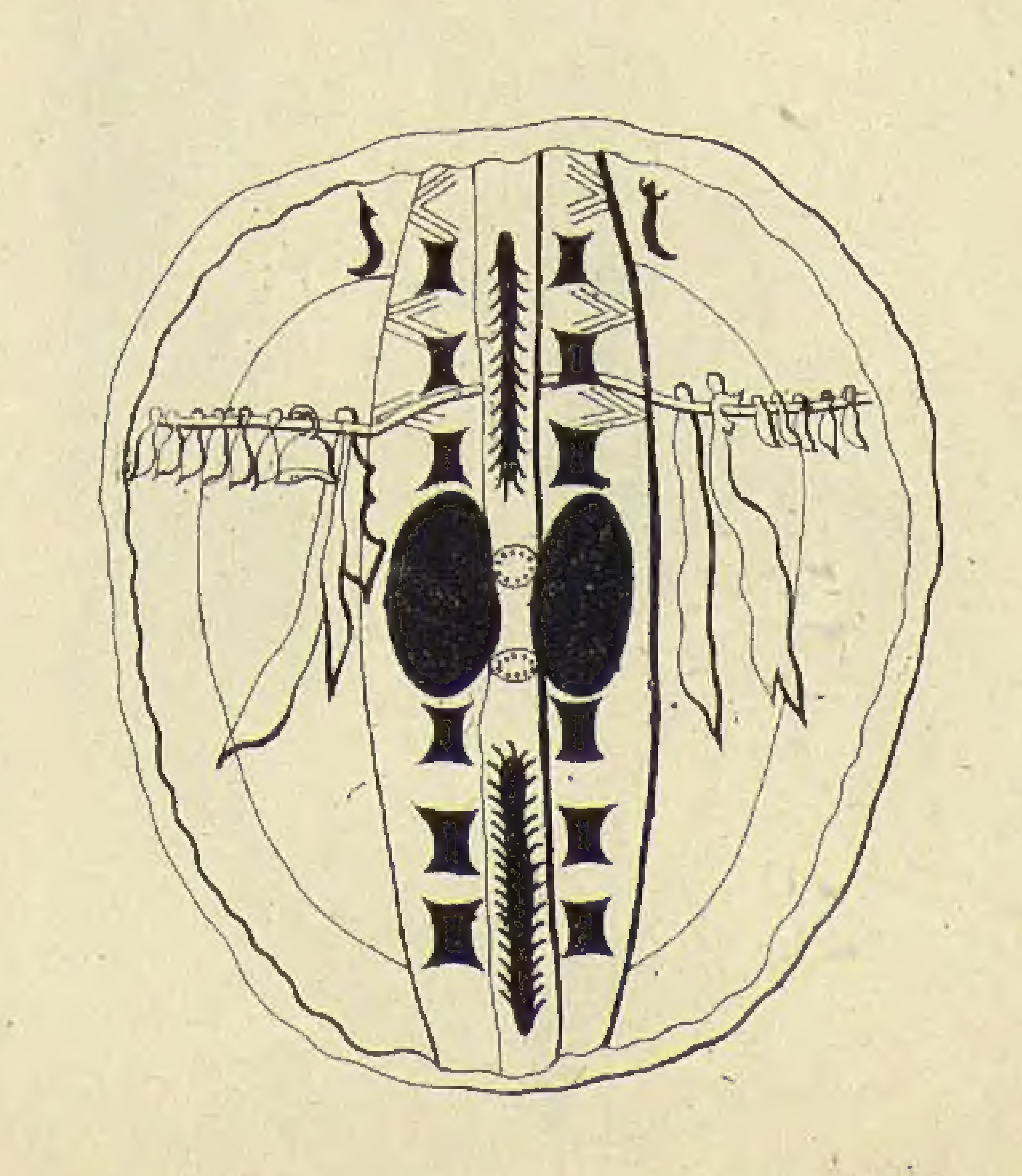
№5

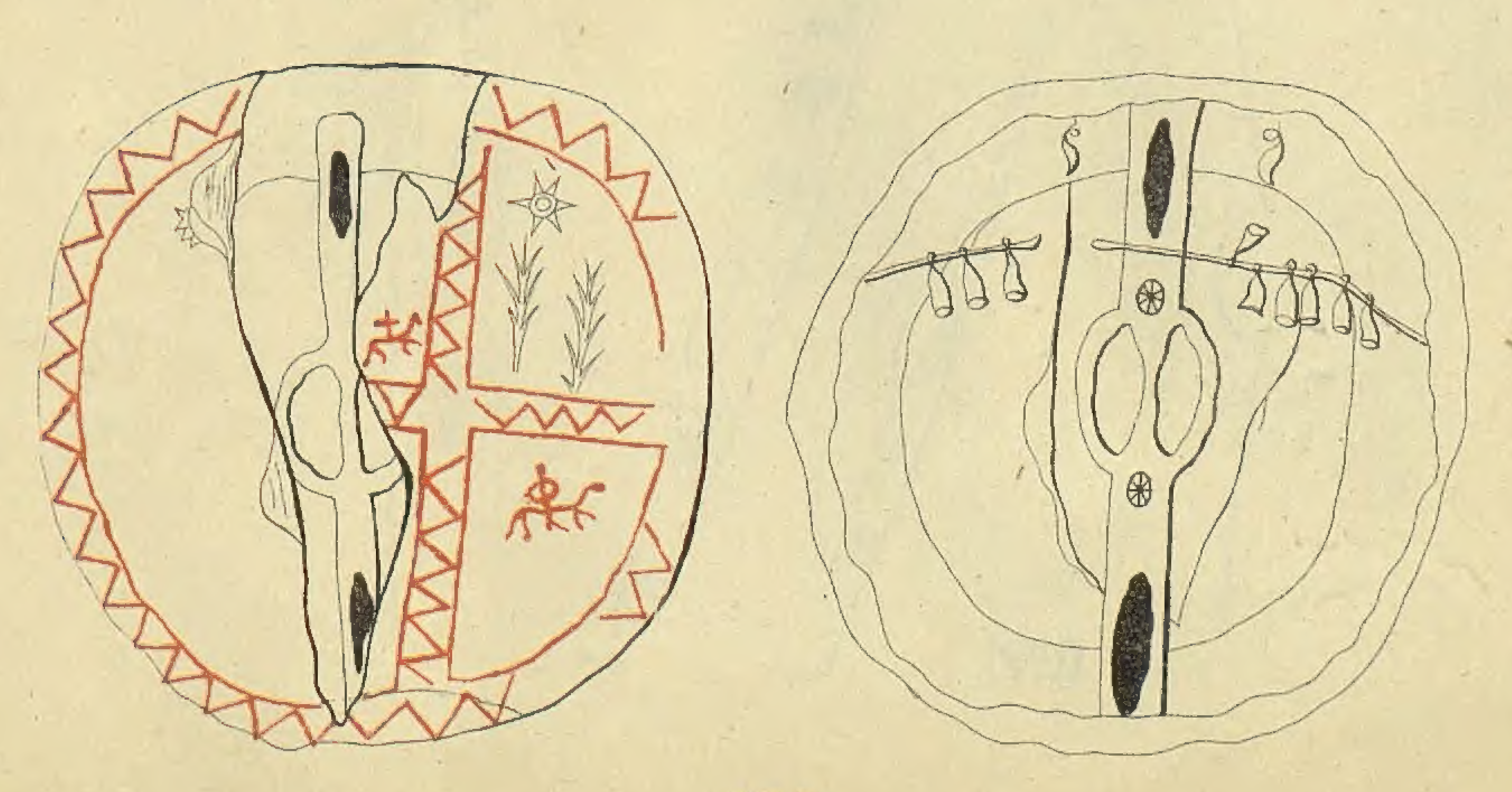
№ 6

Къ ст. г. Клеменца: «Образцы бубновъ».

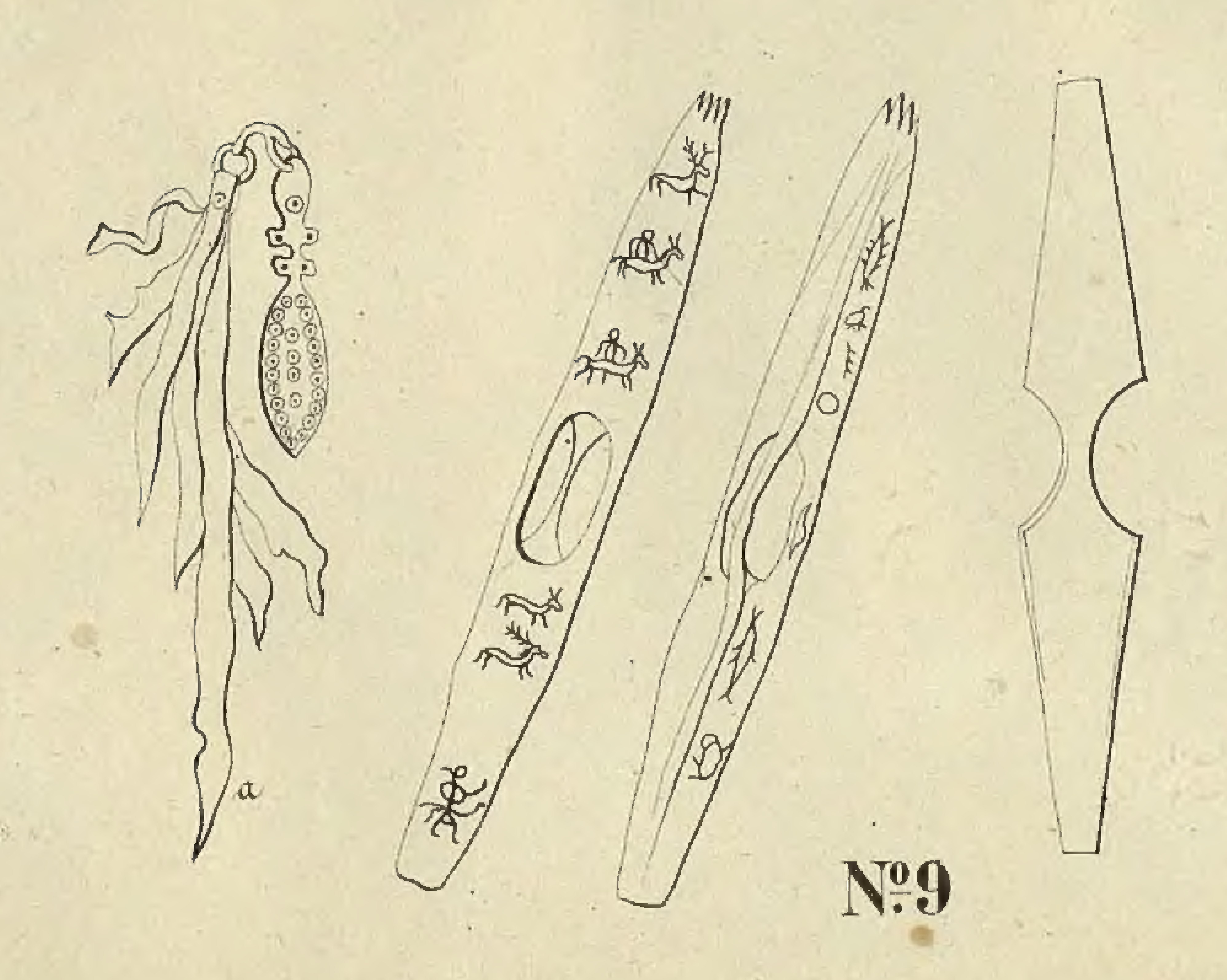

№7

№8

Къ ст. г. Клеменца: «Образцы бубновъ».

№ 9

2007051287